

ТАМБОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 7.

І Ю Л Ь

1871.

№ сей не могъ вытти въ свое время по причинѣ холеры, свирѣпствовавшей въ Тамбовѣ въ июль мѣсяцъ.

Тамбовъ.

.....
ГУБЕРНСКАЯ ЗЕМСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
.....

СОДЕРЖАНІЕ

Часть официальная.

Указы Святейшаго Правительствующаго Синода:

	<i>Стр.</i>
Объ измѣненіи порядка выдачи въ консисторіи пенсіонерамъ епархіальнаго вѣдомства указовъ на получеіе пенсій	149.
О заготовленіи пенсіонерамъ семинарій спальныхъ приборовъ, одинаковаго вида съ приборами казеннокоштныхъ воспитанниковъ. . .	151.
Относительно способа взысканія съ казеннокоштныхъ воспитанниковъ денегъ за содержаніе ихъ въ семинаріи	152.
О воспрещеніи устройства въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ концертныхъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній . . .	153.
О правилахъ къ предупрежденію уклоненій воспитанниковъ Духовныхъ Академій отъ обязательной для нихъ службы по духовно-учебному вѣдомству.	154.
Распоряженія Епархіальнаго Начальства	159.

Извѣстія и объявленія.

О пожалованіи скуфьями наставниковъ сельскихъ учлищъ . . .	161.
Отъ Правленія Липецкаго Городскаго Общественнаго Банка. . .	—
Некрологъ.	162.
О продажѣ новой брошюры Преосв. Феофана «Указанія, по которымъ всякій самъ для себя можетъ составить изъ четырехъ Евангелій одну послѣдовательную Евангельскую исторію»	172.

Неофициальный отдѣлъ.

Слово въ недѣлю мясопустную—Преосвященнаго Николая . . .	373.
Слово въ ту же недѣлю—его же.	384.
Бесѣда въ недѣлю Сыропустную—его же.	395.
Слово въ недѣлю Сыропустную на вечерни—его же.	405.
Слово въ недѣлю Сыропустную—его же.	413.
Объявленіе о продажѣ книги: Руководство къ послѣдовательному чтенію учительныхъ книгъ Ветхаго Завета	424.

ТАМБОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 Юля

№ 7.

1871 года

1.

Распоряженія Правительственныя.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА.

Отъ 8 Юня 1871 г. № 35. *Объ измненіи порядка выдачи изъ консисторій пенсіонерамъ епархіальнаго вѣдомства указовъ на полученіе пенсій.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали докладъ синодальной Канцеляріи (по 1-му отдѣленію) о томъ, что при введеніи въ дѣйствіе временныхъ правилъ о пенсіяхъ священнослужителямъ епархіальнаго вѣдомства и вдовамъ ихъ, на изложенныхъ въ циркулярномъ указѣ Святѣйшаго Синода, отъ 23 сентября 1866 года, основаніяхъ, Синодомъ положено было сообщать о назначенныхъ, по распоряженію его, пенсіяхъ и пособіяхъ одновременно какъ подлежащимъ епархіальнымъ начальствамъ особыми отъ Синода указами, для выдачи пенсіонерамъ указовъ изъ консисторій на полученіе пенсій, такъ и Хозяйственному Управленію для подлежащихъ со стороны онаго сношеній съ министерствомъ финансовъ о производствѣ, откуда слѣдуетъ, назна-

ченныхъ пенсій. Но такъ какъ при такомъ порядкѣ извѣщенія отъ епархіальныхъ начальствъ пенсіонерамъ о назначеніи имъ Синодомъ пенсій дѣлались прежде, чѣмъ могли послѣдовать требуемыя по сему предмету распоряженія со стороны министерства финансовъ, въ особенности при недостаткѣ положеннаго на пенсіи кредита, то весьма многіе изъ пенсіонеровъ, не получая, долгое время, изъ казенныхъ палатъ и казначействъ расчетныхъ листовъ на полученіе назначенныхъ имъ пенсій, стали обращаться съ жалобами на это въ Святѣйшій Синодъ, хозяйственное при ономъ управленіе и министерство финансовъ. По сему въ устраненіе на будущее время обременительной по таковымъ жалобамъ переписки, Святѣйшій Синодъ, согласно особому заявленію министра финансовъ, отъ 15 декабря 1869 года за № 5867, и заключенію хозяйственнаго управленія, опредѣленіемъ 22 января—16 марта прошлаго 1870 года, отмѣнивъ извѣщеніе синодскими указами преосвященныхъ о назначенныхъ пенсіяхъ, предоставилъ хозяйственному управленію извѣщать о семъ епархіальныя начальства, по полученіи отъ департамента государственнаго казначейства отзывовъ о томъ, что со стороны онаго распоряженіе о производствѣ пенсій уже сдѣлано, съ тѣмъ, чтобы управленіе о сей перемѣнѣ въ порядкѣ извѣщенія увѣдомило преосвященныхъ. Не смотря на это нѣкоторыя духовныя консисторіи по полученіи отъ хозяйственнаго управленія увѣдомленій о назначенныхъ пенсіяхъ, сообщаютъ синодальной канцеляріи, что онѣ затрудняются, на основаніи сихъ увѣдомленій, выдавать пенсіонерамъ указы на полученіе пенсій, такъ какъ по предписанному въ указѣ Святѣйшаго Синода, отъ 23 сентября 1866 года, порядку таковыя указы положено было выдавать изъ консисторій на основаніи указовъ Святѣйшаго Синода. *Приказали:* 1) дать знать преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ циркулярнымъ указомъ, что, за отмѣною

по опредѣленію Святѣйшаго Синода 22 января—16 марта 1870 года, указанныхъ отъ Синода извѣщеній о назначеніи духовнымъ лицамъ пенсій, требуемые на полученіе таковыхъ пенсій указы изъ консисторій должны быть выдаваемы пансіонерамъ на основаніи увѣдомленій о томъ хозяйственнаго управленія; при чемъ въ сихъ указахъ консисторіи слова: „слушали указъ Святѣйшаго Синода отъ такого-то года, мѣсяца и числа за №“; должны быть замѣнены словами: „слушали послѣдовавшее, въ исполненіе опредѣленія Святѣйшаго Синода, отношеніе хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ такого-то года, мѣсяца и числа за №“; 2) поручить хозяйственному управленію сообщить о семъ министерству финансовъ впослѣдствіе вышеприводимаго отношенія статсъ-секретаря Рейтерна за № 5867, для сообщенія о такомъ измѣненіи подвѣдомственнымъ министерству палатамъ и казначействамъ.

Отъ 17 апрѣля 1871 г. № 22. *О заготовленіи пансіонерамъ семинарій спальныхъ приборовъ, одинаковаго вида съ приборами казеннокоштныхъ воспитанниковъ.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе господина синодальнаго оберъ-прокурора, отъ 22 января сего года за № 743, объ обязательности для родителей или родственниковъ при помѣщеніи воспитанниковъ преобразованныхъ семинарій въ число пансіонеровъ, заготовлять постельныя для нихъ принадлежности одинаковаго вида съ казенными. И, по справкѣ, приказали: по поводу замѣченныхъ членомъ ревизоромъ учебнаго Комитета, въ спальняхъ комнатахъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ одной изъ преобразованныхъ семинарій, пестроты и разно-

образія спальныхъ приборовъ, вслѣдствіе дозволенія семинарскаго начальства пансіонерамъ изъ своекоштныхъ воспитанниковъ имѣть собственныя для ихъ постелей разноцвѣтныя одѣяла и наволочки, Святѣйшій Синодъ признаеть необходимымъ, во избѣжаніе подобной пестроты въ спальныхъ ученическихъ комнатахъ поставить въ обязанность семинарскихъ начальствъ, чтобы не иначе помѣщали своекоштныхъ воспитанниковъ въ число пансіонеровъ, какъ по взносѣ ихъ родителями или родственниками, независимо отъ платы за содержаніе, особой суммой, въ слѣдующемъ по смѣтному исчисленію количествъ, на изготовленіе каждому пансіонеру постельныхъ принадлежностей одинаковаго вида и качества съ казенными, требуя въ надлежащее время таковыхъ взносовъ отъ родителей или родственниковъ пансіонеровъ и на возобновленіе постельныхъ для нихъ приборовъ, по установленнымъ на таковой предметъ правиламъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ предписать семинарскимъ начальствамъ, чтобы они приняли должныя мѣры къ содержанію спальныхъ ученическихъ комнатъ и постельныхъ приборовъ въ надлежащей чистотѣ и опрятности и чтобы въ теченіе дня спальныя комнаты непременно запирались, и воспитанники отнюдь не были допускаемы въ спальни; о чемъ, для зависящихъ распоряженій и исполненій, послать преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ циркулярный указъ.

Отъ 17 апрѣля 1871 г. № 24. *Относительно способа изысканія съ казеннокоштныхъ воспитанниковъ денегъ за содержаніе ихъ въ семинаріи.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный господиномъ Синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, отъ 26 ноября

1870 года за № 277, журналъ учебнаго Комитета по возбужденному однимъ изъ преосвященныхъ вопросу о томъ, какими мѣрами могло бы быть обеспечено требуемое § 181 сем. Устава взысканіе денегъ за содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ семинарій, въ случаѣ ихъ выхода изъ духовнаго вѣдомства въ гражданское до окончанія учебнаго курса или послѣ онаго. *Приказали:* въ обеспеченіе требуемаго по § 181 уст. дух. семин. взысканія денегъ съ казеннокоштныхъ учениковъ семинарій, въ случаѣ выхода ихъ изъ духовнаго вѣдомства въ свѣтское, предписать семинарскимъ правленіямъ, чтобы они на аттестатахъ и свидѣтельствахъ такихъ воспитанниковъ прописывали неупустительно, что предъявители этихъ документовъ, въ случаѣ поступленія ихъ въ гражданское вѣдомство, обязаны по § 181 Высоч. утвержд. 14 мая 1867 г. Уст. дух. сем. возвратить духовному вѣдомству сумму, употребленную на ихъ содержаніе въ семинаріи; о чемъ преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, для зависящихъ распоряженій и исполненія дать знать циркулярнымъ указомъ.

О воспрещеніи устройствъ въ духовно учебныхъ заведеніяхъ концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній.

Въ нѣкоторыхъ духовно учебныхъ заведеніяхъ были допущены литературно музыкальные вечера и концерты, большею частію, изъ свѣтскихъ піесъ (отрывковъ изъ оперъ) и при значительномъ стеченіи постороннихъ посѣтителей. Господинъ Синодальный Оберъ-прокуроръ, имѣя въ виду, что подобныя собранія могутъ сопровождаться неблагопріятными, въ педагогическомъ отношеніи, послѣдствіями, требуя на приготовленіе къ нимъ не мало времени, отвлекая воспитанниковъ отъ прямыхъ обязанностей

и развивая въ нихъ склонность къ разсѣянности и развлеченіямъ, признаеть сказанныя собранія, имѣющія при томъ видъ публичности, неумѣстными въ духовно учебныхъ заведеніяхъ и несогласными съ 4-мъ пунктомъ Высочайше одобренныхъ 26 мая 1867 года правилъ о надзорѣ за учащимися, не дозволяющемъ послѣднимъ устройства концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній; о чемъ и вошелъ съ предложеніемъ въ св. Синодъ. Св. Синодъ, принимая во вниманіе, что по § 160 му Уст. Дух. Сем. хотя и поощряются развивающія и облагораживающія эстетическій вкусъ воспитанниковъ занятія пѣніемъ и музыкою, но таковыя занятія должны строго согласоваться съ назначеніемъ духовно-учебныхъ заведеній и не отвлекать воспитанниковъ отъ исполненія ихъ главныхъ и прямыхъ обязанностей. Вслѣдствіе сего опредѣлилъ: устройство подобнаго рода собраній въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ воспретить.

Отъ 19 мая 1871 года, № 22. *О правилахъ къ предупрежденію уклоненій воспитанниковъ Духовныхъ Академій отъ обязательной для нихъ службы по духовно-учебному ведомству.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Господиномъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, за № 257, журналъ Учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, съ изложеніемъ проектированныхъ правилъ къ предупрежденію уклоненій казеннокоштныхъ воспитанниковъ Духовныхъ Академій отъ обязательной для нихъ службы по духовно-учебному вѣдомству, и, по справкѣ, П р и к а з а л и: для предотвращенія продолжающихся, не смотря на всѣ принятыя досель мѣры, затрудненій въ замѣщеніи наставническихъ вакансій въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ вслѣдствіе уклоненія академическихъ воспитанниковъ отъ

обязательной для них службы по духовно-учебному вѣдомству, Святѣйшій Синодъ постановляетъ въ необходимость предписать, согласно заключенію Учебнаго Комитета, къ непремѣнному исполненію по духовному вѣдомству слѣдующія правила: 1) Совѣты Академій тщательно наблюдая за неупустительнымъ доставленіемъ изъ Семинарскихъ Правленій—на основаніи особаго распоряженія Святѣйшаго Синода,—вмѣстѣ съ другими документами назначаемыхъ изъ Семинарій въ Академію воспитанниковъ, собственно-ручныхъ подписокъ сихъ воспитанниковъ о неуклонномъ исполненіи ими по выпускѣ изъ Академій, изложенныхъ въ §§ 166—168 Уст. Дух. Акад. требованій, должны непремѣнно отбирать таковыя подписки и отъ тѣхъ изъ принимаемыхъ на казенное содержаніе въ Академіи воспитанниковъ, которые, прибывъ къ приѣмнымъ академическимъ испытаніямъ не по назначенію Семинарскихъ Правленій, а по собственному своему желанію, влѣдствіе того, не давали начальству подобныхъ подписокъ. Безъ этого условія ни одинъ воспитанникъ не можетъ быть помѣщенъ на казенное содержаніе въ Академіи. 2) Оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ, предъ выпускомъ ихъ изъ Академій, Академическіе совѣты извѣщаютъ о предъявленныхъ Семинарскими Правленіями учительскихъ вакансіяхъ и приглашаютъ ихъ для поступленія на эти вакансіи держать пробныя лекціи въ Семинаріяхъ или Академіяхъ, смотря по поступившимъ изъ Семинарскихъ Правленій заявленіямъ. Въ случаѣ уклоненія казеннокоштныхъ воспитанниковъ Академіи отъ исполненія этой обязанности, совѣты немедленно доносятъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода о причинахъ такого уклоненія, съ указаніемъ на тѣхъ изъ сихъ воспитанниковъ, которые, по спеціальнымъ ихъ занятіямъ въ Академіи, могли бы занять вакантныя учительскія должности въ Семинаріяхъ. Примѣчаніе. Каждый кончившій курсъ воспитанникъ Академіи имѣетъ право

держатъ пробныя лекціи на занятіе преподавательскаго мѣста не только по тому предмету, которымъ онъ специально занимался въ четвертомъ курсѣ, но и по всѣмъ вообще обязательнымъ и специальнымъ предметамъ того отдѣленія, къ которому онъ принадлежалъ въ Академіи. 3) По совершении распоряженій о замѣщеніи предъявленныхъ Академіямъ учительскихъ въ Семинаріяхъ и училищахъ вакансій, Академическіе совѣты сообщаютъ подлежащимъ начальствамъ о назначенныхъ на эти вакансіи воспитанникахъ, а не получившихъ назначенія казеннокоштныхъ воспитанниковъ обращаютъ, на существующихъ нынѣ основаніяхъ, въ Епархіи, по мѣсту ихъ родоприсхожденія, съ выдачею для проѣзда надлежащихъ билетовъ и прогонныхъ денегъ, сообщая о семъ въ тоже время Епархіальнымъ начальствамъ, для должнаго со стороны послѣднихъ распоряженія по исполненію во всей точности, предписанныхъ указами Святѣйшаго Синода, отъ 18 марта 1868 года № 20 и 12 іюня 1870 года № 33, правилъ относительно таковыхъ воспитанниковъ. За симъ совѣты должны доставить въ канцелярію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода свѣдѣнія о всѣхъ кончившихъ въ томъ году курсъ казеннокоштныхъ воспитанникахъ, какъ поступившихъ на учительскія должности, съ означеніемъ самыхъ должностей, такъ и не получившихъ назначенія, съ указаніемъ, въ какія именно Епархіи они отправлены.

4) Обращаемые въ Епархіи казеннокоштные воспитанники обязываются не далѣе, какъ въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ по принятіи ихъ въ Епархіи, избрать себѣ мѣсто службы въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, а по истеченіи сего срока должны безпрекословно принять назначеніе на таковыя мѣста по усмотрѣнію Академическихъ совѣтовъ, которые дѣйствуютъ въ этихъ случаяхъ согласно примѣчанію къ § 58 Уст. Дух. Сем. и указу Святѣйшаго Синода отъ 18 марта 1868 года за № 20. Примѣчаніе.

Высласмымъ въ Епархіи козеннокоштнымъ воспитанникамъ Академіи на основаніи означеннаго указа Святѣйшаго Синода, вмѣняется въ обязанность подъ опасеніемъ за несоблюденіе сего строгой отвѣтственности, чтобы по прибытіи въ Епархію, независимо отъ представленія своего Преосвященному, объявляли непременно и Семинарскому Правленію о своемъ прибытіи, съ означеніемъ самого мѣста жительства ихъ въ Епархіи, дабы Епархіальное и Семинарское начальство имѣли всегда положительныя свѣдѣнія какъ о мѣстѣ пребыванія, такъ и о самомъ положеніи ихъ.

5. Воспитанники, которые по окончаніи Академическаго курса, выдержали пробныя испытанія въ самой Академіи, допускаются къ занятію соотвѣтственныхъ учительскихъ вакансій въ Семинаріяхъ по выданнымъ отъ Академическаго начальства свидѣтельствамъ о выдержаніи ими таковыхъ испытаній: а воспитанникамъ, не державшимъ пробныхъ испытаній въ Академіи, когда имъ представится надобность слѣдовать для выдержанія сихъ испытаній въ Семинаріи, въ которыхъ окажутся вакантныя учительскія мѣста, выдавать для этой цѣли надлежащія, по общепостановленному порядку, билеты, или паспорта, съ означеніемъ, что предъавитель, кончившій курсъ въ Академіи слѣдуетъ въ такую-то Семинарію и для той-то надобности, причемъ срокъ выдаваемыхъ билетовъ ограничивать мѣрою дѣйствительной потребности. Таковые билеты выдаются или Академическимъ начальствомъ, когда воспитанникъ, отправляется къ подлежащему мѣсту непосредственно изъ Академіи, или Епархіальнымъ начальствомъ, если воспитанникъ, по выпускѣ изъ Академіи, обращенъ въ Епархіальное вѣдомство и уже отселѣ слѣдуетъ къ мѣсту. Примѣчаніе. Дозволенная временно по С.-Петербургской Академіи выдача кончившимъ курсъ воспитанникамъ удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ объ окончаніи ими Академическаго курса должна быть прекращена.

6. Дипломы на ученые степени и аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента, а равно и документы о родоприсхожденіи окончившихъ курсъ ученія казеннокоштныхъ академическихъ воспитанниковъ, препровождаются совѣтами академій, согласно уст. служб. прав. ст 407, въ правленія подлежащихъ семинарій или духовныхъ училищъ, для приобщенія къ дѣламъ объ опредѣленіи сихъ воспитанниковъ въ службу. Правило это наблюдается совѣтами академій и въ отношеніи документовъ тѣхъ изъ казеннокоштныхъ академическихъ воспитанниковъ, которые, по неполученію при выпускѣ изъ академіи назначенія въ духовно-училищномъ вѣдомствѣ, бывъ обращены въ епархіи, уже оттуда будутъ опредѣляемы въ духовно-учебную службу.

Примѣчаніе. По выслугѣ узаконеннаго обязательнаго срока дипломы на ученые степени и аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента могутъ быть выдаваемы академическимъ воспитанникамъ, если они о томъ будутъ просить 7) Въ случаѣ нежеланія поступить на духовно-учебную службу казеннокоштные воспитанники академіи обязываются возвратить, сполна и одновременно, израсходованную сумму на содержаніе ихъ въ Академіи и семинаріи, если они и въ послѣдней состояли на казенномъ содержаніи; никакія разсрочки по взносу таковой суммы недопускаются. 8) Поступивши на духовно-училищную службу, казеннокоштные воспитанники Академіи, прежде выслуги ими обязательнаго за воспитаніе въ Академіи срока, могутъ просить объ увольненіи ихъ отъ сей службы, или же въ другое вѣдомство не иначе, какъ по выполненіи ими изложеннаго въ § 168 уст. дух. Акад. требованія на счетъ возврата слѣдующей за содержаніе ихъ въ Академіи суммы. Изъятіе изъ этого можетъ быть допускаемо лишь въ особоважительныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, и только съ особаго о каждомъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода. 9) Тѣ казеннокоштные воспитанники, которые не получаютъ

мѣста въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, по неимѣнію вакансіи, могутъ быть опредѣляемы, по ихъ желанію, на Священническія мѣста, по сношенію Епархіальныхъ Преосвященныхъ съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода и по полученіи отъ него отзыва, что въ воспитанникахъ этихъ не предстоитъ надобности для духовно-учебныхъ заведеній. Равнымъ образомъ таковыя воспитанники, согласно ихъ желанію, могутъ быть увольняемы, по ходатайствамъ Епархіальныхъ Преосвященныхъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода отъ обязательной въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ службы, для поступленія на службу въ другія вѣдомства. 10) Для доставленія воспитанникамъ, выпущеннымъ изъ духовныхъ Академій съ званіемъ дѣйствительнаго студента, большей возможности прослужить за воспитаніе установленный по § 166 уст. Акад. срокъ, наставническія вакансіи въ духовныхъ училищахъ замѣщаются студентами семинарій только по истребованіи и полученіи Епархіальнымъ Преосвященнымъ отъ совѣтовъ Академій удостовѣренія, что на должности сіи нѣтъ кандидатовъ изъ академическихъ воспитанниковъ. Таковыя правила, для руководства и записанныхъ распоряженій къ исполненію, объявитъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ Архіереямъ печатными указами.

—
II.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

1. Въ село Ямскую Слободу, Козловскаго уѣзда, для исправленія должности назначенъ священникъ Афанасій Земятченскій впредь до окончательнаго соединенія приходовъ.

2. Учитель села Дячи, Шацкаго уѣзда, Петръ Ново-

сельскій опредѣленъ Псаломщикомъ въ село Самодуровку.

3. Дьячекъ села Ермолова, Елатомскаго уѣзда, Филиппъ Стеженскій устранилъ отъ должности за нетрезвость.

4. Діаконское мѣсто въ селѣ Двурѣчкахъ, Липецкаго уѣзда, закрыто за смертію Діакона Михаила Архангельскаго.

5. Причетникъ села Новогаритова, Козловскаго уѣзда, Никита Синайскій перемѣщенъ въ село Балыклей, Кирсановскаго уѣзда.

6. Причетники Анигоновскій и Орловъ перемѣщены одинъ на мѣсто другаго; 1-й въ село Тюменово, а послѣдній въ село Рыбное.

7. Въ селѣ Пяшкильской Слободѣ, Тамбовскаго уѣзда, Діаконское мѣсто закрыто за перемѣщеніемъ въ село Вадовскіе Селищи Богородицкаго на мѣсто діакона Никиты Новосельскаго, а сей послѣдній перемѣщенъ въ село Грязнушу, Тамбовскаго уѣзда, на мѣсто діакона Некрасова за его долговременною болѣзнію, 1-й же перемѣщенъ изъ Вадовскихъ Селищъ въ Станичную Слободу, Борисоглѣбскаго уѣзда, на мѣсто умершаго діакона Гедіонова.

8. Въ селѣ Ольшанкѣ, Борисоглѣбскаго уѣзда, за смертію священника Григорія Херсонскаго поручено исправлять сосѣднему священнику села Шибряя.

9. На мѣсто умершаго Священника Маринскаго Пріюта Александра Пѣвницкаго, перемѣщенъ священникъ изъ 1-го Тамбовскаго духовнаго училища Михаилъ Назарьевъ, а на его мѣсто опредѣленъ инспекторъ того же училища Надворный совѣтникъ Василій Владиславскій, изъявившій желаніе принять священный санъ.

10. Въ селѣ Богословкѣ, Тамбовскаго уѣзда, священникъ Григорій Соловьевъ померъ, для исправленія должности назначенъ безмѣстный священникъ Николай Соловьевъ.

11. Тамбовскаго Кафедральнаго Собора Псаломщикъ Иванъ Лисицынъ померъ, на мѣсто его перемѣщенъ изъ г. Моршанска пономарь Николай Никольскій, а на мѣсто се-

го перемѣщенъ изъ села Становаго, Казловскаго уѣзда, Павелъ Сланскій,

12. На мѣсто умершаго Викарнаго діакона г. Тамбова Троицкой церкви Василя Александровскаго перемѣщенъ псаломщикъ г. Кирсанова Соборной церкви Василій Надеждинъ, а на его мѣсто—окончившій курсъ семинаріи Алексѣй Каменскій.

13. Въ селѣ Космодамианской Слободѣ причетническую должность, за смертію причетника Оерапевтова, дозволено исправлять заштатному дьячку Горскому.

II.

Извѣстія и объявленія.

Велѣдствіе опредѣленія своего отъ 2 сего Іюня, Тамбовскій Губернскій училищный Совѣтъ симъ объявляетъ, что наставники сельскихъ училищъ: Алгаовскаго священникъ Семень Краснодубровскій, Больше-Пичаевскаго—священникъ Платонъ Богословскій и Бадино-Угловскаго—священникъ Николай Грибановскій, за усердную службу ихъ по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, Всемилостивѣйше пожалованы, въ 3 день истекшаго апрѣля, скуфьями, какъ увѣдомилъ Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія отъ 22 мая 1871 г. за № 5165.

Правленіе Липецкаго Городскаго Общественнаго Банка доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что на имѣющіе поступать съ 16 числа Августа мѣсяца сего года вклады, Банкъ будетъ платитъ проценты въ годъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: на вклады безсрочные т. е. до востребованія, *по пяти копѣекъ на рубль*, срочные: на одинъ годъ, *по пяти съ половиною*, отъ 2 хъ до 6 лѣтъ, включительно; *по шести*, отъ 7 до 12 лѣтъ, *по шести съ половиною* и на вѣчное время *по семи копѣекъ на рубль въ годъ*.

НЕКРОЛОГЪ.

Конецъ іюня и первая половина іюля настоящаго года были крайне несчастны для Тамбова: въ городѣ въ это время свирѣпствовала ужаснѣйшая холера. Особенно она усилилась съ 22-го іюня, когда въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не окончены были еще экзамены. Случаи заболѣванія холерою между воспитанниками духовно-учебныхъ заведеній (одинъ изъ воспитанниковъ Николай Чурюковскій, котораго успѣхами и благоповеденіемъ не могла довольно парадоваться Семинарія, даже померъ отъ холеры), вынудили Правленія Семинаріи и обоихъ училищъ, по настоянію врача семинаріи и съ разрѣшенія Его Преосвященства, прекратить 23 іюня экзамены и немедленно распустить воспитанниковъ въ дома ихъ родителей и родственниковъ: въ уѣздахъ въ то время не было еще и слуха о холерѣ. Депутаты духовенства, собравшіеся было на епархіальный съѣздъ къ 24 іюня, тоже разѣхались по домамъ, не сдѣлавъ ничего; одинъ изъ сихъ депутатовъ внезапно заболѣлъ, былъ отправленъ въ больницу, и тамъ скончался отъ холеры. Послѣ роспуска учениковъ холера стала усиливаться болѣе и болѣе. Въ числѣ первыхъ ея жертвъ былъ *Николай Ивановичъ Пертовскій*, смотритель 1 Тамбовскаго дух. училища. Онъ заболѣлъ 25 іюня въ полдень; утромъ 26 іюня скончался и 27 былъ погребенъ на Успенскомъ кладбищѣ.

Владыка нашъ, Преосвященнѣйшій Θεодосій, при первомъ извѣстіи о кончинѣ Николая Ивановича, сказалъ: *это потеря незамѣнимая*. Дѣйствительно, трудно ожидать, чтобы нашелся преемникъ покойному смотрителю, который бы вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ замѣнилъ его. Дай Богъ, впрочемъ, чтобы опасеніе наше оказалось напраснымъ. Николай Ивановичъ былъ и отличный наставникъ — педагогъ, и превосходный администраторъ по своей части, и самый благоразумный, опытный, разчетливый хозяинъ,

а что всего важнѣе, человѣкъ рѣдкой доброты. Къ питомцамъ своего заведенія онъ относился чисто отечески. Благодаршіе и терпѣніе его были неистоимы. Отъ самаго начала своего служебнаго поприща до конца жизни онъ безропотно, съ полнымъ самоотверженіемъ, несъ тяготу своего служенія; онъ весь, безраздѣльно, былъ преданъ своему долгу. Въ отношеніи къ товарищамъ, сослуживцамъ онъ отличался задушевною простотою, искренностію, благожелательствомъ, предупредительною вѣжливостію, снисходительностію, услужливостію, вообще братскою любовію. Никто никогда даже изъ подчиненныхъ не слышалъ отъ него жесткаго, обиднаго слова. Мягкосердіе и рѣдкая доброта невольно внушали къ нему уваженіе, довѣріе и любовь. Николай Ивановичъ рѣшительно не имѣлъ враговъ; на него нельзя было сердиться, потому что не за что. Къ себѣ онъ былъ строгъ, крайне точенъ и исполнительенъ въ своихъ обязанностяхъ. Къ высшимъ всегда былъ благопокорливъ, почтителенъ, безъ лести и униженія. Рѣшительно нельзя указать ни одного чернаго пятна на характерѣ этого рѣдкаго человѣка. Такой человѣкъ не могъ не быть искренно редигознымъ; потому онъ и былъ такъ добръ, самоотверженъ, скромень при всѣхъ своихъ достоинствахъ, что былъ глубоко-религознецъ. Безъ редигозныхъ убѣжденій, безъ вѣрующаго сердца не возможны такіе свѣтлые характеры. Онъ смотрѣлъ на жизнь очами христіанина, въ дѣлѣ службы видѣлъ задачу, данную ему самимъ Богомъ для выполненія. Онъ не зарылъ въ землю даннаго ему Богомъ таланта, а приумножилъ его. И вѣримъ мы отъ всей полноты души, что Господь, предъ Котораго онъ теперь предсталъ, скажетъ ему: *добре, благій и вѣрный раба... Види въ радость Господа твоего.*

Николай Ивановичъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, удивленія и благодарной памяти, что всѣмъ почти обязанъ себѣ, своему упорному, настойчивому труду самооб-

разованія. Сынъ бѣднаго сельскаго причетника, онъ не могъ получить хорошаго домашняго воспитанія. Отецъ могъ обучить его только читать и писать, и затѣмъ когда сыну не было еще 8 лѣтъ, привезъ его въ Шацкое духовное училище. Живо помню первый моментъ вступленія его въ классъ, гдѣ былъ уже учитель, и ученики сидѣли чинно по мѣстамъ. Болѣзненный отъ природы, ктомужь вынесшій недавно оспу, робкій и застѣнчивый, онъ сильно смутился въ виду грознаго учителя и полусотни мальчугановъ, кои, вопреки обычной рѣзвости своего возраста, сидѣли смиренно, притаивъ дыханіе. Школа въ которую вступилъ Николай Ивановичъ, не могла дать ему многого, если только дала что нибудь. Правда, онъ на первыхъ же порахъ оказался лучшимъ ученикомъ, и отъ перваго до послѣдняго класса, какъ въ училищѣ, такъ и въ Семинаріи, занималъ, помнится, первое мѣсто, но этимъ онъ обязанъ былъ не столько учителямъ, сколько своимъ отличнымъ способностямъ и прилежанію. Горько вспомнить, а надо сказать, что въ то время (1835—1840) учителя занимались въ классѣ болѣе сѣченіемъ, чѣмъ ученіемъ. Первымъ словомъ учителя по приходѣ въ классъ было: *подать нотату*. Такъ называлась разграфленая тетрадь, гдѣ записаны имена и фамиліи учениковъ, и противъ каждаго ежедневно отмѣчалось, знаетъ ли онъ урокъ, или нѣтъ. Знающихъ, отмѣчали буквою S, сирѣчь: *sciens*, плохо знающихъ *eg*, то есть *egans*, вовсе незнающихъ *ns*, что значитъ, *nesciens*). Подавалась нота. Учитель смотрѣлъ, кто изъ учениковъ записанъ *eg* или *ns*, вызывалъ такихъ на средину, и тотчасъ начиналась расправа: неисправныхъ или сѣкли рѣзгами, жестоко, немилосердо сѣкли, или угощали *палями* (удары по ладонямъ розгою, или линейкою), или, что случалось не такъ часто и было ни по чемъ, ставили на колѣна; иногда же учитель снисходилъ до того, что собственноручно, и десницею и шуйцею, вразумлялъ виновныхъ. Такъ какъ не-

исправныхъ всегда бывало множество при тогдашнемъ многоядствѣ учащихся, то нерѣдко весь классъ проходилъ въ сѣченіи, въ раздаяніи палей, въ колоченіи по зубамъ, по щекамъ, въ тасканіи за волосы и тому подобныхъ упражненіяхъ. Послѣ такихъ трудовъ учитель едва успѣвалъ до звонка ткнуть пальцемъ или черкнуть ногтемъ въ учебникъ, до какаго мѣста слѣдовало вызубрить къ слѣдующему классу. Это значило задать урокъ. Объ разъясненіи задаваемаго урока небыло и помысла даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ экзекуцій оставалось довольно клас-снаго времени. Все это время употреблялось на спраши-ваніе урока. Отвѣтъ требовался бойкій, безостановочный, хотя бы и бессмысленный. Если кто изъ записанныхъ зна-ющимъ урокъ оказывался не знающимъ или просто не могъ отвѣтить по робости, въ слѣдствіе запуганности, учи-тель добирался до *авдитора*, обязанностію котораго было выслушивать урокъ до прихода учителя и отмѣчать въ нотатъ; опять пощечины, ставка на колѣна, а иногда и розги. Николай Ивановичъ, какъ и я грѣшный, во всѣхъ классахъ училища были авдиторами. Памятно намъ это авдиторство... Учителя знать не хотѣли, что иной не от-вѣчаетъ не потому, что не зналъ, а потому, что сробѣлъ, что у него душа въ пятки ушла предъ ихъ грознымъ ве-личіемъ: они видѣли тутъ обманъ со стороны авдитора. Тѣмъ менѣе могли они догадываться, что иногда авдиторъ отмѣчаетъ незнающаго знающимъ по страху отъ него по-боевъ. Бывали зачастую такіе молодцы, которые, стараясь избѣгнуть неизбѣжной за незнаніе урока экзекуціи, прямо грозили авдитору: запиши-ка меня ег, я тебѣ задамъ та-кую таску, что будешь помнить.

Изъ сказаннаго уже легко понять, что учебная часть въ Шацкомъ училищѣ, гдѣ воспитывался Ник. Иван., во вре-мя оно не процвѣтала, и онъ не много полезнаго могъ вынести оттуда. Не легкое дѣло объяснить, какъ тогдаш-

няя учеба совсѣмъ насъ не загубила, какъ мы совсѣмъ не оступѣли, не сдѣлались совершенными идиотами. Съ большинствомъ нашихъ товарищей, вовсе не бездарныхъ по природѣ, случилась такая бѣда. Катихизисъ мы долбили, ровно ничего въ немъ не понимая, хотя механически могли прочесть его наизусть отъ доски до доски. Въ учебной книжкѣ подъ названіемъ: *церковный уставъ* самъ учитель ничего не разумѣлъ, а мы и подавно. Да порядокъ церковной службы и нельзя изучать по какой бы то ни было книжкѣ учебной, а непременно по богослужебнымъ книгамъ церкви и въ самомъ совершеніи богослуженія. Въ грамматикахъ: русской, славянской, греческой, латинской, мы безъ труда заучивали формы склоненій и спряженій, умѣли также отличить одну часть рѣчи отъ другой, остальное все-опредѣленія, правила и т. п. было для насъ тьма тьмуца, а ничего намъ не объясняли, лишь только заставляли заучивать. О наглядномъ, постепенномъ выясненіи отвлеченныхъ понятій, кои на каждомъ шагу встрѣчались въ учебныхъ книгахъ, не было и помысла. Что проще ариметики? Но и тутъ мучились мы надъ заучиваніемъ, по учебнику Куминскаго, на память совершенно непонятныхъ для насъ опредѣленій разныхъ ариметическихъ дѣйствій и правилъ, и рады—рады бывало, какъ доберемся до примѣровъ. Географію изучали мы безъ глобуса (о немъ и понятія не имѣли) и даже безъ картъ. Выѣшивалась, правда, въ классѣ карта Европы, (единственная для всего училища) когда приходилъ учитель; (во все остальное время она хранилась въ заперти, какъ неприкосновенная святыня); но на ней, что называется, лица не видно было; съ трудомъ можно было отличить сушу отъ океана: такъ она была ободрана; притомъ, благодаря мухамъ, на ней явились въ разныхъ мѣстахъ группы острововъ, коихъ природа никогда не производила. Къ сему надобно прибавить, что печатнаго учебника по геора-

ѣи въ то время не было; учились мы по запискамъ, и какихъ только курьзыхъ ошибокъ въ нихъ не было? По окончаніи училищнаго курса записки эти, надѣвши намъ какъ горькая рѣдка, мы сложили въ ящикъ и совершили надъ ними что-то въ родѣ кощунственнаго погребенія. — При всемъ томъ, не смотря на всю эту нелѣпную учебную обстановку, изъ училища мы вышли кое съ какимъ запасомъ свѣдѣній. Безпомощные, предоставленные почти исключительно самимъ себѣ, мы оцупью, какимъ-то инстинктивнымъ чутьемъ прора умѣвали *суть* дѣла, и, что касается до греческаго и латинскаго языка, то знали ихъ даже очень недурно. Въ этомъ случаѣ мы многимъ обязаны бывшему въ то время смотрителемъ училища, О. протоіерею Гр. Ив. Агишевскому (нынѣ Архимандритъ и настоятель Чернѣвскаго Монастыря). Онъ отлично зналъ и преподавалъ латинскій языкъ, своимъ характеромъ внушалъ къ себѣ почтеніе и уваженіе. Почтенное исключеніе изъ учителей составлялъ и В. М. Щегловъ (нынѣ кафедральный протоіерей г. Тамбова): онъ неотличался жестокостію и велъ дѣло разумно.

Ник. Ив. Пертовскій во все продолженіе училищнаго курса былъ однимъ изъ наилучшихъ учениковъ; чуть ли не во всѣхъ классахъ онъ занималъ первое мѣсто. Онъ обладалъ особенною способностію, безъ сторонняго руководства, понимать неудобопонимаемыя для дѣтскаго возраста вещи. При всѣхъ затрудненіяхъ, а онѣ встрѣчались на каждомъ шагу, товарищи обращались къ нему за указаніемъ и наставленіемъ, и онъ охотно дѣлился со всѣми своимъ знаніемъ. Ясный, точный, свѣтлый умъ уже тогда замѣтно отличалъ его между сверстниками. Для многихъ онъ былъ болѣе учителемъ, чѣмъ нѣкоторые изъ официальныхъ учителей. Правственный обликъ его рѣзко обрисовался также въ ту еще пору. Онъ былъ скромный, благодушный, общительный, всегда готовый къ услугамъ,

трудолюбивый мальчикъ. Въ характерѣ его не было ни одной черты, которая бы неприятно поражала. Потому иные изъ товарищей были къ нему горячо привязаны, и всѣ вообще относились съ уваженіемъ.

Въ половинѣ 1840 года Ник. Ив. перешелъ въ Тамб. семинарію. Изъ всѣхъ уѣздовъ Епархіи учениковъ съѣхалось множество (свыше 300) для поступленія въ первый классъ семинаріи. Распредѣлили насъ по тремъ отдѣленіямъ сего класса. Во все теченіе семинарскаго курса мнѣ не пришлось учиться въ одномъ отдѣленіи съ Ник. Иван., потому подробностей о его семинарской жизни я сообщить не могу. Знаю только, что и здѣсь, на первыхъ же порахъ, онъ почетно выдѣлился изъ среды своихъ товарищей. Во всѣхъ классахъ семинаріи онъ шелъ первымъ по своему отдѣленію. Учителя имъ гордились, товарищи его любили и уважали, начальство указывало на него, какъ на образецъ для другихъ по успѣхамъ и поведенію. Болѣе всего Ник. Ив. привлекалъ къ себѣ сврѣмъ нравственнымъ характеромъ. Даровитыхъ учениковъ и безъ него было не мало, но иные изъ нихъ какъ-то невольно отталкивали отъ себя своею чопорностію, педантизмомъ, высокомеріемъ. Ничего этого не было въ Ник. Ив.: скромность, постоянная ясность души, общедоступность, радушіе, готовность къ услугамъ всѣмъ и каждому почетнымъ образомъ выдѣляли его изъ среды товарищей. Общительный по природѣ любилъ и онъ шутку, но шутка его была благодушная, безобидная. Пренебрежительно онъ ни къ кому не относился. Это была натура въ высшей степени гуманная, симпатичная. Во всю жизнь никого онъ ни обидѣлъ ни дѣломъ ни словомъ. У него не было не только враговъ, но и завистниковъ; всякій невольно отдавалъ ему предпочтеніе; его скромность и благодушіе обезоруживали зависть. — По окончаніи семинар. курса (1846 г.) Ник. Ив. потому только не былъ оставленъ въ академію, что по состоянію своего здоровья

онъ не могъ вынести академическаго курса. Онъ во всю жизнь не пользовался настоящимъ здоровьемъ. До 1849 г. онъ, по рекомендаціи покойнаго Преосвященнаго Николая, занималъ мѣсто домашняго учителя въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ. Еще бывши ученикомъ, онъ занимался уже учительствомъ. Въ послѣдніе годы семинарскаго житія онъ жилъ въ домѣ Пр. Ф. М. Доброва, который поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей. Бывшіе ученики Ник. Иванъ всегда относились къ нему съ признательностію и любовью, что его крайне утѣшало. Съ 1849 года открылось для Ник. Ив. официальное педагогическое поприще, съ котораго онъ уже не сходилъ до конца жизни. До октября 1852 года онъ былъ учителемъ 1 Тамбовскаго училища. Съ 5 октября сего года по 25 сент. 1856 г. былъ учителемъ духов. училища въ Шацкѣ, мѣстѣ своего первоначальнаго горемычнаго воспитанія. За тѣмъ опять переведенъ быть въ 1 Тамб. д. училище, на службѣ при которомъ и кончилъ свою жизнь, выскополезную, благотворную, достопамятную.

Ник. Ив. какбы созданъ былъ преимущественно для педагогическаго поприща. Обладая умомъ яснымъ, точнымъ, способнымъ ориентироваться въ самыхъ трудныхъ вопросахъ, онъ какъ самъ отчетливо понималъ учебный предметъ, такъ и передавалъ его съ необыкновенною ясностію, приспособляясь всегда къ степени развитія и пониманія учениковъ. Подъ его руководствомъ воспитанники сознательно, отчетливо усвоивали не только арифметику, географію, славянскій, латинскій, греческій языки—преподавателемъ всѣхъ этихъ предметовъ былъ Ник. Ив. въ разное время,—но и Катихизисъ, даже 9 членъ въ Катихизисъ, чѣмъ онъ имѣлъ полное право гордиться, потому что вездѣ почти даже досель, какъ въ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ училищахъ, ученики заучиваютъ катихизисъ болъшею частію на память, безъ яснаго разумѣнія заучиваема-

го. Ник. Ив. при преподаваніи разлагалъ общія, отвлеченныя понятія на частныя, конкретныя представленія, догматическія опредѣленія выяснялъ фактами священной исторіи; общія нравственныя заповѣди и правила приближалъ къ разумѣнію указаніемъ на примѣры нравственно-доброй жизни. Онъ зналъ педагогику прежде, чѣмъ она появилась у насъ; здравыя педагогическія понятія и правила, о которыхъ въ послѣдніи десять лѣтъ заговорили и стали писать вездѣ, для него не были новостію; онъ самъ ихъ выработалъ и давно уже имъ слѣдовалъ. Самъ, горькимъ опытомъ, извѣдавъ беспомощность ученика, предоставленнаго самому себѣ, онъ неограничивалъ учительскихъ обязанностей задаваніемъ и спрашиваніемъ урока, но заботливо старался выяснить урокъ, растолковать въ немъ все, кажущееся дѣтскому уму непонятнымъ. Благодушіе и терпѣніе—два неотъемлемыя качества добраго педагога были въ натурѣ Ник. Ив., и были, можно сказать, неизощимы. Почти не возможно было вывести его изъ терпѣній тупостью или непонятливостію: онъ не утомимъ былъ въ разъясненіи и повтореніи одного и того же. Въ обращеніи съ учениками онъ былъ добръ и снисходителенъ, но безъ слабости. Его, можно сказать, не боялись, но всегда уважали и любили. Иногда онъ принималъ на себя суровый видъ, хотѣлъ казаться строгимъ; но эта напускная строгость тотчасъ бросалась въ глаза и вовсе была не къ лицу ему. При всемъ томъ порядокъ и подчиненность не нарушались. Нужно ли говорить, что къ мѣрамъ взысканія и наказанія онъ прибѣгалъ только въ крайнихъ случаяхъ? Кромѣ учительской обязанности, онъ, до опредѣленія на должность смотрителя, почти постоянно былъ или помощникомъ инспектора, или исправлялъ должность его, а съ 1858 г. ему поручено было наблюденіе за порядкомъ бурсачной экноміи. Кромѣ того, такъ какъ до него смотрителями училища были протоіереи, обремененные другими

должностями, то завѣдываніе дѣлами училища лежало большею частію на немъ; онъ de facto былъ смотрителемъ училища прежде, чѣмъ сталъ имъ de iure. Наконецъ 6 ноября 1867 года на съѣздѣ духовенства онъ былъ избранъ смотрителемъ. Не могло быть удачнѣе этого выбора. Нельзя не отдать чести о. о. депутатамъ съѣзда. Да и возможенъ ли былъ другой выборъ? Ник. Иван. знало, можно сказать, все духовенство епархіи, какъ отличнаго наставника и добрѣйшаго человѣка. Одинъ онъ не зналъ себѣ цѣны. Скромный до послѣдней степени, онъ никакъ не ожидалъ такого почетнаго избранія; объявленіе о семъ привело его въ крайнее смущеніе, вызвало въ немъ слезы радости и благодарности. Нужно ли говорить, что онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе духовенства? Никогда неослабное усердіе его къ дѣлу службы получило какъ бы новыя силы. Во все онъ вникалъ, все взвѣшивалъ, все дѣлалъ благоразсудно. Строго слѣдилъ онъ и за учебною и за нравственною частію заведенія. Недовольствуясь надзоромъ за учениками своего помощника, онъ самъ слѣдилъ за ними непрерывно. Когда заболѣвалъ какой либо наставникъ, онъ самъ шелъ за него въ классъ. Самъ входилъ въ мельчайшія подробности на счетъ помѣщенія, пищи и одежды казенно-коштныхъ воспитанниковъ. Когда производились какія либо работы по училищу, самъ зорко наблюдалъ за всѣмъ, и его трудно было обмануть; онъ зналъ во всемъ толкъ, всему цѣну. Для наставниковъ онъ служилъ образцемъ въ дѣлѣ преподаванія: исключая нотнаго пѣнія, онъ превосходно зналъ всѣ предметы училищнаго курса, потому что самъ преподавалъ ихъ въ прежніе годы. Собственное его усердіе къ дѣлу водувшевляло и другихъ на добросовѣстную, неослабную работу.

Несомнѣнно увѣрены мы, что благодарная память о Ник. Иван. на долго останется въ тысячахъ сердець. Кто учился съ нимъ, кто учился у него, кто просто былъ съ

нимъ знакомъ, тѣ не могутъ забыть эту свѣтлую, благородную личность. Признательность и любовь къ нему заявили бы себя при самомъ его погребеніи, если бы не страшное время холеры. Но скромная, чуждая всякаго внѣшняго блеска и помпы, жизнь завершилась самымъ скромнымъ погребеніемъ. Такъ, видно, и должно быть. Самые воспитанники училища не имѣли возможности проводить на кладбище своего дорогаго и едва ли замѣнимаго зрителя, потому что разѣхались уже по домамъ.

Миръ праху твоему, благороднѣйшій, добросовѣстнѣйшій труженикъ!—Господи, упокой душу его; онъ много трудился, и добросовѣстно трудился.

Въ редакціи Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей продается новая брошюра Преосвященнаго Оеофана: „УКАЗАНІЯ, ПО КОТОРЫМЪ ВСЯКІЙ САМЪ ДЛЯ СЕБЯ МОЖЕТЪ СОСТАВИТЬ ИЗЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЕВАНГЕЛІИ ОДНУ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНУЮ ЕВАНГЕЛЬСКУЮ ИСТОРИЮ“. Къ брошурѣ приложенъ наглядный конспектъ Евангельской исторіи въ 4 параллельныхъ столбцахъ. Цѣна брошюры 25 коп. Выручка предназначена авторомъ въ пользу Тамбовскаго училища дѣвицъ духовнаго званія.

Редакторъ: Ректоръ семинаріи Протоіерей Михаилъ Сефировъ.

Съ дозволенія цензуры. 17 Августа 1871 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

15 Іюля

№ 7.

1871 года.

ПРОПОВѢДИ ПОКОЙНАГО ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКОЛАЯ,
БЫВШАГО ЕПИСКОПА ТАМБОВСКАГО.

С Л О В О

въ недѣлю мясопустную.

И идутъ сіи, т. е. грѣшники, въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный (Матѣ. 25. 46).

Страшное для грѣшниковъ опредѣленіе! Страшенъ долженъ быть и судъ, на которомъ произнесется такое рѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ: можетъ ли быть что страшнѣе?—И однакожь мы едва ли не менѣе всего боимся сего суда. Боимся мы потерять здоровье, и для этого налагаемъ на себя иногда самое непріятное воздержаніе, или пользуемся лекарствами; боимся мы лишиться добраго имени, и для этого ведемъ себя слишкомъ осторожно, или—скрытно; боимся впасть въ нищету, и для этого защищаемъ и стережемъ свое достоинствѣ съ неусыпностію военной стражи; словомъ боимся мы всякихъ земныхъ утратъ и неудачъ, обидъ и притѣсненій, печалей и болѣзней, и противъ всякой опасности беремъ нужныя и возможныя мѣры: одного

мы не боимся,--суда послѣдняго, ибо вовсе не помышляемъ о немъ, не опасаемся его, не готовимся къ нему, живемъ какъ будто его вовсе не будетъ, или будетъ не для насъ, и намъ на немъ не являться. Откуда жъ въ насъ къ нему такое исключительное невниманіе, безстрашіе, безчувствіе? Должно быть, мы увѣрены до сердечнаго убѣжденія, что суда послѣдняго не будетъ. Какой же достовѣрный свидѣтель сказалъ намъ, что его не будетъ? Или лучше, кто не сказалъ, что будетъ? Не было народа, который бы не вѣрилъ какъ въ Бога, такъ и въ судъ по смерти: мудрецы древности, хотя и язычники, признавали тартаръ для беззаконниковъ, какъ Елисейскія поля для добродѣтельныхъ. Простое здравое разсужденіе, обзрѣвая дѣла и судьбы человѣческаго, и не находя, чтобы въ жизни сей добродѣтельные достойно вознаграждались, а порочные достойно наказывались, не можетъ не требовать, чтобы, если не въ сей, то въ будущей жизни, тѣ и другіе получили праведное возмездіе. Собственная совѣсть наша вопреки суетнымъ толкамъ ума, и лестному обаянію страстей, боится неизбѣжнаго суда; ибо въ самой себѣ носитъ немолчнаго свидѣтеля его необходимости. Св. Писаніе—все, отъ первой до послѣдней страницы говоритъ намъ о судѣ послѣднемъ. Уже Энохъ, седьмой отъ Адама Патріархъ, пророчествовалъ, что *придетъ Господь во тьмахъ свѣтыхъ Ангелъ своихъ—сотворити судъ о всѣхъ, и ми же нечествоваша грѣшницы нечестивыи* (Иуд. 14, 15). Потомъ Авраамъ праотецъ и другъ Божій, потомъ Авна, мать Самуилова, потомъ царственный иѣснопѣвецъ Давидъ, потомъ премоудрый Экклезіастъ, потомъ Исаія, Іеремія, Іезекіиль, Давіиль и всѣ пророки повторяли сію страшную истину. Наконецъ у Пророка Малахіи, заключившаго собою рядъ ветхозавѣтныхъ пророковъ Богъ опредѣляетъ день, когда весь міръ, увидитъ невидимое нынѣ различіе между праведнымъ, и между беззаконнымъ (3, 14—18). Въ новомъ

Завѣтъ также постоянно возвѣщается нѣкій особый день — *день оузъ, день послѣдній, день суда и судный, день, егда судитъ Богъ, день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, день Сына человеческого, день Христовъ, день Господень, и судъ по преимуществу, судъ хотящій быть, судъ огня, судъ вѣчный* и — второе явленіе І. Христа, имѣющаго судить живыхъ и мертвыхъ. Но чего еще больше, когда самъ Судія, Иисусъ Христосъ, говоритъ о себѣ: *пріити имать Сынъ человѣческій во славу Отца своего: и тогда воздастъ комуждо по дѣланіямъ его* (Матѣ. 16, 27)? Когда свидѣтельствуемъ Ап. Павель, что Богъ *установилъ есть день, въ оный же хочетъ судити вселенный въ правдѣ* (Дѣян. 17, 31), *всѣхъ предстанемъ судицѣу Христову* (Рим. 14, 10), *всѣмъ бо явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла* (2. Кор. 5, 10)? Въ послѣдніе дни, говоритъ Апостоль Петръ, явятся ругатели, отвергающіе или не принимающіе послѣдняго суда (о братіе! не наши ли дни эти послѣдніе дни?), ругатели, говорящіе: *гдѣ обѣтованіе прішествія его, то есть Христова? Ибо съ тѣхъ поръ, какъ стали умирать отцы наши, отъ начала міра, все остается также. Не коснетъ Господь обѣтованія, отвѣчаетъ Апостоль, по долготерпичію на насъ, не хотя, да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ. Пріидетъ же день Господень, яко тать въ нощи* (2. Петр. 3, 3—4. 9—10). Это благовѣстіе о судѣ послѣднемъ изъ устъ Отцевъ и учителей Церкви наконецъ огласило и нынѣ оглашаетъ всѣ концы земли. Итакъ общій голосъ времени, народовъ, мудрецовъ, разума, совѣсти, Св. Писанія, Иисуса Христа, Апостоловъ и проповѣдниковъ Церкви — что еще нужно, братіе, чтобы увѣрить насъ въ истинѣ послѣдняго суда Божія? — Не вѣрнѣе ли онъ даже завтрашняго дня, который для кого нибудь изъ насъ, можетъ, и не возсіяетъ, если Богу будетъ угодно; но судъ Божій не отложенъ? *Ей, граду скоро*, говоритъ самъ Богъ Судія: Можно ли невѣ-

рять?—Ахъ, братіе! Мы явно не отрицаемъ суда послѣдняго; даже всякій день исповѣдуемъ Іисуса Христа, *наки ірядущаго со славою судить живыхъ и мертвыхъ*: но вѣра сія только скользитъ по поверхности нашего сознанія, какъ холодный лучъ по желѣзу или камню, а до совѣсти не доходитъ, сердца не трогаеть, ума не просвѣщаетъ, и мы —вѣримъ, и не вѣримъ—печальное маловѣріе, или лучше, невѣріе. О! Если бы этотъ лучъ пробился до основанія души; глаза наши открылись бы, какъ по снятіи бѣльма или покрывала, и судъ послѣдній представился бы намъ такъ живо, какъ на яву, какъ на дѣлѣ, предъ самыми глазами, и мы въ трепетѣ сердца и совѣсти скорѣе всего поспѣшили бы спасать себя отъ суда, какъ поспѣшаютъ спасать домъ отъ пожара, судно отъ потопленія или самихъ себя отъ падающей тяжести. Милосердный Господи! *впру-емъ* мы, что судъ Твой предстоить намъ (ибо *прейдетъ* небо и земля, но *іота* едина или едина черта не *прейдетъ* отъ закона твоего, *дондеже* будетъ); но *помози* нашему невѣрью.

Если жъ судъ послѣдній будетъ неотложно; то, видно, будетъ не слишкомъ истязателемъ, что нечего и бояться его; подобно какъ и на судахъ человѣческихъ судятся только такія преступленія, которыхъ преступники не могли или не умѣли скрыть, и судятся по уликамъ всегда почти самымъ поверхностнымъ, такъ какъ судъ человѣческой, не проникаетъ до совѣсти человѣческой, и злодѣи его не обоятся. О, братіе! Судъ Божій, стольже далеко не судъ человѣческой, сколько небо далеко отъ земли. Онъ пройдетъ все существо человѣка отъ ногтей до глубины души, и всю жизнь его отъ колыбели до могилы. На семь судѣ взыщутся всѣ наши дѣла не только *свободныя*, но и *естественныя*, коихъ основаніе въ природѣ и необходимости, но мѣра, время, мѣсто и прочія обстоятельства въ волѣ и свободѣ человѣка; взыщутся не только дѣла *естественныя*, но и *чужія*, когда человѣкъ при-

общается чужимъ грѣхамъ приказомъ и совѣтомъ, побужденіемъ или поощреніемъ, содѣйствіемъ или сокрытіемъ, а главное—соблазнами, коими намѣренно увлекаетъ другихъ къ злу; взыщутся дѣла не только содѣланныя, но и опущенныя, кои человѣкъ обязанъ былъ слѣдять, но не дѣлать, по упорству или нерадѣнію—*по неже не сотвористе*, скажется грѣшникамъ: *и идутъ сіи въ муку вѣчную. И будетъ въ той день*, говоритъ Богъ у Пророка, *изыщу Іерусалима со свѣтильникомъ... Силенъ день глѣва день той, день скорби и пужды, день безодія и исчезновенія, день тьмы и мрака* (Соф. 1, 12. 15). *Придетъ Господь*, говоритъ Ап. Павелъ, *и во свѣтъ приведетъ тайная тьмы, и обявитъ советы сердечныя* (1. Кор. 4, 5) Можетъ ли быть судъ истязательнѣе? и можно ли быть къ такому суду безстрашными? Вообразимъ, что чей нибудь домъ присужденъ къ строгому обыску, что въ каждомъ углу дома скрывается искомое, и что всѣ углы его будутъ обысканы: въ какомъ, думаете, страхъ будетъ виновный хозяинъ дома? Но какой же страхъ ожидаетъ грѣшника на послѣднемъ судѣ, когда Богъ со свѣтильникомъ всевѣденія и правосудія изыщетъ душу его?— О! Тогда устоитъ ли и праведникъ: гдѣ же мы грѣшныя явимся,—мы, которые трепещемъ и человѣческаго обличенія? Изыщу Іерусалима со свѣтильникомъ, выведу на свѣтъ тайная тьмы, объявлю самыя содровенныя движенія сердца— и самый праведникъ трепещетъ суда, а мы? мы спокойны! Простите мнѣ, братіе, жесткое слово истины. Такое безстрашіе ничемъ другимъ не изъясняется, какъ только глубокою грѣховностію.—Кто когда наиболѣе страшился суда Божія? Собственно праведники. Чѣмъ совѣсть чище, тѣмъ она къ суду чувствительнѣе; и самая чистая совѣсть не можетъ считать себя чистою предъ святостію закона и строгостію суда Божія. Вотъ почему, говорилъ Св. Григорій Богословъ: „одно извлекаетъ у меня слезы, и приводитъ меня въ страхъ, это: судъ Божій, огненныя рѣки, и страшныя

тмы бездны“ (Стихот. 10). Вотъ почему говорилъ и Ап. Павелъ: *Хотя я за собою и ничего не знаю, но тмъ не оправдываюсь; ибо Судія мой—Господь* (2. Кор. 4, 4). Предъ Богомъ самое небо не чисто: намъ ли грѣшнымъ не бояться истязательности суда Божія? И однакожь всѣхъ безстрашнѣе противъ суда Божія всегда бывали грѣшники. „Говори ты мнѣ о всѣхъ страхованіяхъ, о мрачномъ тартарѣ, пламенѣющихъ бичахъ, демонахъ истязателейхъ душъ нашихъ: для злыхъ все это басня,“ пишетъ тотъ же Богословъ. И Св. Писаніе замѣчаетъ, что *печестивый егда придетъ въ мубину золъ, нерадитъ*. Чѣмъ совѣсть порочнѣе, тѣмъ она безчувственнѣе къ суду; она вовсе не боится суда, потому что не ожидаетъ его; а не ожидаетъ потому, что не хочетъ его, какъ будто отъ того, что грѣшникъ не хочетъ, суда уже и не будетъ:—безчувствіе, страшнѣйшее самаго суда, ибо оно граничитъ съ ожесточеніемъ діавола,—Дополнять ли, братіе, картину истязательности суда Божія самую паразительностію его открытія, предъ которою онѣмѣетъ самый безстыдный грѣшникъ?—По увѣренію Ангеловъ и Апостоловъ, Иисусъ Христосъ придетъ также, какъ восшелъ на небо т. е. въ видѣ человѣческомъ; явится мгновенно, какъ молнія, во своей Божественной славѣ своей, окруженный сонмомъ Ангеловъ, и—все придетъ въ страшное смятеніе: солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта своего, звѣзды спадутъ съ неба, какъ шишки съ дерева, горы растають, какъ воскъ, земля побѣжитъ, мертвые воскреснутъ, живые измѣнятся мгновенно и восплачутъ и возрыдаютъ всѣ человѣки; цари и вельможи, знатные и безславные, богатые и бѣдные, рабы и свободные побѣгутъ скрыться въ пещерахъ и ущеліяхъ и тщетно будутъ вопить къ горамъ и камнямъ: падите на насъ, и укройте насъ отъ лица сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнца; ибо пришелъ великій день гнѣва Его: и кто можетъ устоять (Апок. 6, 12—17.)? Ужась, который восчувствуютъ камни: толь

ко грѣшники его не боятся!

Отъ чегожь такое безчувствіе къ такому страху? можетъ быть послѣдствія суда Божія для насъ не важны: такъ и нечего бояться. Врожденное намъ чувство само-сохраненія и самозащитенія, удовольствія и скорби, счастья и несчастія, въ насъ конечно еще не умерло; ибо мы слишкомъ чувствительны къ тѣлесному здоровью и боли, къ житейскимъ выгодамъ и невыгодамъ, къ земнымъ горестямъ и радостямъ, къ жизни и смерти.—Если бы послѣдствія суда послѣдняго были въ самомъ дѣлѣ страшны: мы не могли бы не страшиться его. Не правда ли братіе мои? Посмотримъ же что ожидаетъ грѣшниковъ послѣ суда. Вообще Св. Писаніе говоритъ, что *всѣмъ явится намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ кійждо яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла—славу и честь дѣлавшіе благое,—скорбь и тѣсноту творившіе злое* (2Кор. 5 10. Рим. 2, 10). Но въ частности, цѣпнѣтъ мысль и языкъ отъ выраженій, подъ коими представляется муки грѣшниковъ, ожидающія ихъ тотчасъ послѣ суда. Это *адъ*, бездна полная пламени и мрака, отдѣленная отъ блаженства праведныхъ другою непроходимую бездною; это—*геенна огненная*, живописующая сколько ужасный, столько же и постыдный родъ мученій; это *огненное озеро*, горящее жупеломъ и изображающее непрерывную лютость и постепенную напряженность мукъ адовыхъ; это *тьма кромѣшная*, внѣшняя или крайняя, страшная вѣчнымъ отверженіемъ грѣшниковъ отъ Бога, и адскимъ отчаяніемъ, вызывающимъ плачь и скрежетъ зубовъ; это *червь неумирающій*, который на языкѣ Пророковъ означаетъ самую страшную казнь, какую только Богъ во гнѣвѣ своемъ можетъ поразить беззаконниковъ. И съ гѣмъ же грѣшники будутъ раздѣлять такую участь? Съ самимъ діаволомъ, изрывшимъ такую бездну гибели для себя и своихъ клеветовъ, съ отверженными духами, завладѣвшими здѣсь душами грѣшниковъ

и съ подобными себѣ грѣшниками, кокорые и въ сей жизни другъ друга терпѣть не могли, ибо зло не любить зла — общество, которое Св. Златоустъ называетъ лютейшимъ самой геенны. — (И не по одной только душѣ будутъ страдать грѣшники, но вмѣстѣ и по тѣлу; ибо грѣшники воскреснуть и пооблекутся въ свои тѣла, какъ праведники, съ тѣмъ только различіемъ, что изыдутъ изъ гробовъ сотворшіе благая въ воскресеніе живота, а сотворшіи злая — въ воскресеніе суда. — Но пусть воскресшія тѣла и грѣшниковъ, какъ праведниковъ, будутъ нетлѣнны, прозрачны, крѣпки и духовны; эти самыя качества не облегчатъ, а отяготятъ еще судьбу грѣшниковъ. Ихъ *нетлѣнность* будетъ внушать имъ одну безнадежность о концѣ мукъ. Ихъ *прозрачность* будетъ выводить наружу внутреннія муки и общить ихъ между всѣми грѣшниками, чтобы тѣмъ усугублять мѣру мукъ каждаго. Ихъ *крѣпость* будетъ завѣрять, что грѣшниковъ достанетъ на мученіе во вѣки вѣковъ, ибо сгарая въ мукахъ, они не могутъ сгорѣть когда либо. Ихъ *духовность* произведетъ эту вѣчную жажду танталовъ, жажду, которою грѣшникъ будетъ сгарать и по земнымъ утѣхамъ, къ коимъ въ жизни сей такъ привыкъ, но по смерти еще не отвыкъ, а самъ уже къ нимъ неспособенъ; и по небесному блаженству, которое завистливымъ глазомъ будетъ видѣть изъ своей бездны, но отъ коего, знаетъ онъ, что на вѣки отчужденъ). Вѣчность муки наконецъ будетъ вѣнцемъ мученія грѣшниковъ; ибо муки адскія будутъ столько же вѣчны, сколько вѣчно блаженство праведныхъ; *и идутъ грѣшники въ муку вѣчную*. — Если ужъ и такая участь не страшна, то для человѣка нѣтъ болѣе ничего страшнаго.

Не говорите мнѣ, какъ нѣкоторые говорятъ, что адскія мученія будутъ состоять изъ однихъ угрызений совѣсти; если бы даже и такъ было; но знаете ли, какъ ужасны самыя угрызения совѣсти, когда въ ней раскроется мука во всей силѣ? онѣ не выносимы для человѣка даже

въ сей жизни, когда онѣ ослабляются и грубостію плоти, и грѣховностію сердца, и вліяніемъ міра: что же онѣ будутъ тамъ?—они сами собою составятъ ужасный адъ; между тѣмъ нѣтъ никакой причины не принимать и положительныхъ мукъ, какъ-то—огня, мрака, терзаніе демоновъ, и прочаго. Не говорите, что за временныя вины не справедливо подвергать человѣка вѣчному мученію: и по человѣческимъ законамъ вина взвѣшивается и наказывается по важности лица оскорбленнаго и преступленія содѣланнаго; грѣшникъ поправъ и вѣчную правду и вѣчную любовь Божію, оскорбилъ и презрѣлъ вѣчнаго Бога: довольны ли въ наказаніе сего самыя вѣчныя муки? Не говорите, что милосердіе Божіе превышаетъ всякое множество нашихъ грѣховъ;—это на сію только жизнь и до послѣдняго суда; но по судѣ настанетъ время безконечнаго Божія правосудія, и тогда самая любовь будетъ отмщать намъ за себя; это именно гнѣвъ Агнца, отъ коего грѣшники хотѣли бы покрыться горами и холмами, но не покроются. Не говорите наконецъ, что Богъ не можетъ измѣниться и перестать быть любовію, какъ сказано: *Богъ любви есть*; Онъ будетъ весь любовію для праведниковъ, но для грѣшниковъ—весь огнемъ поядающимъ. *И идутъ грѣшники въ муку вѣчную.*

Если бы я не боялся утомить вашего вниманія, я хотя слегка очертилъ бы вамъ будущее блаженство праведныхъ; какъ они, получивши въ воскресеніи тѣла нетлѣнныя, свѣтлыя, крѣпкія и духовныя, водворятся вмѣстѣ съ Иисусомъ Христомъ, Ангелами и всѣми святыми въ раю, въ небѣ, въ градѣ Божіемъ, въ небесномъ Іерусалимѣ, въ дому Отца небеснаго; какъ облечутся въ виссонъ чистый и свѣтлый, въ одежду брачную или торжественную, украсятся вѣнцами неувядаемыми и нетлѣнными, просвѣтятся, какъ солнце, будутъ ѣсть и пить на трапезѣ Господней, праздновать вѣчное субботство или вѣчный праздникъ; и

уже не взалчуть кому, не вжаждутъ, и отъиметь Богъ всякую слезу отъ очю ихъ, ни плача, ни вопля, ни самой смерти для нихъ не будутъ кому; они наслѣдуютъ наслѣдіе Христово, вѣчное спасеніе, вѣчный животъ, вѣчную славу; самъ Богъ для нихъ будетъ всяческая во всѣхъ; и все это будетъ безконечно и вѣчно. Это именно тѣ блага, *ихже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце чловѣка не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его*; блаженство для насъ нынѣ непостижимое. Можно ли не пожелать такого блаженства? А еще болѣе, можно ли промѣнять его на муки адскія, о коихъ безъ трепета нельзя и помыслить?—И однакожъ грѣшники идутъ въ муку вѣчную.

Ужасно то, что грѣшники идутъ въ муку вѣчную; но еще ужаснѣе то, что они идутъ туда по своему выбору, по своей волѣ, по какому-то какъ бы роковому стремленію.—Ибо не были ли грѣшникамъ изъяснены муки адскія во всѣхъ ужасныхъ подробностяхъ? Не были ли употреблены со стороны Божіей всѣ средства и мѣры, чтобы удержать и спасти ихъ отъ ада?—Чего еще не сдѣлала премудрость Божія, чтобы удержать насъ отъ грѣха и геенны? Чего не сдѣлала любовь Божія, чтобы усвоить намъ свое небо со всѣми его благами? Что же послѣ сего понуждаетъ грѣшника спѣшить путемъ ада? Свой выборъ, своя воля, неотразимое хотѣніе!—Это непостижимо!—Нѣтъ, постижимо, и происходитъ собственно отъ пристрастія къ землѣ. *Не скрывайте себѣ сокровищъ на земли.... скрывайте же на небеси*, говорилъ Іисусъ Христосъ; *идиже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Мат. 6, 21). Пристрастіе къ землѣ какъ бы оземляетъ и окаменяетъ всего чловѣка, дѣлаетъ его одного плотію, какъ бы въ немъ вовсе не было души чловѣческой и дѣлаетъ безчувственнымъ ко всему, что не есть земля или небесному, не есть плоть или духовному, не есть настоящее или къ будущему; невѣ-

роятно, но истинно. Удивительно ли послѣ сего, что грѣшникъ забывшій вовсе о небѣ и приросшій пристрастіемъ своимъ къ землѣ съ каменнымъ равнодушіемъ, съ желѣзнымъ безчувствіемъ продолжаетъ путь грѣха, доколѣ не низринется въ бездну адову?—*И идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный.*

Повторяю вамъ, братія мои, сіи слова Спасителя для того, чтобы впечатлѣть въ душу вамъ память о судѣ.— Надо прежде всего убояться суда Божія, чтобы не подвергнуться страшному на немъ осужденію. *Поминай*, сказано, *последняя твоя*,—т. е. смерть, судъ, вѣчныя муки и небесное блаженство, *и во вѣки не сокрушимы*. Вы уже видѣли, что насъ дѣлаетъ невнимательными, безстрашными и безчувственными къ суду послѣднему: это наше маловѣріе, наша грѣховность и наше пристрастіе къ земнымъ и чувственнымъ предметамъ, благамъ и удовольствіямъ.—Отричемъ же наше маловѣріе и оживимъ нашу вѣру; постараемся быть сколько можно менѣе грѣшными, и сколько можно болѣе праведными; оторвемъ сердце свое отъ земныхъ предметовъ, чувственныхъ благъ, мірскихъ обычаевъ, и положимъ все сердце свое въ небѣ.—Со стороны Божіей для сего уже все готово—готовъ законъ Божій, по которому намъ должно мыслить, чувствовать и жить; готова благодать Св. Духа, чтобы подкрѣпились немоцныя силы наши въ дѣлахъ добродѣтелию; готово милосердіе Божіе, чтобы помиловать насъ и отпустить намъ все грѣхи наши; готовы тѣло и кровь Христова, чтобы напитать и оживотворить насъ для неба; постъ наступаетъ; двери покаянія отверзаются; этими дверями мы прямо пойдемъ въ животъ вѣчный. Аминь.

С Л О В О

въ недѣлю мясопустную.

Слышали ль вы, нынѣ, братіе, звукъ трубы послѣдней, прозвучавшей нынѣ намъ изъ Евангелія? Ибо какъ вѣрнѣе назвать это поразительное сказаніе Евангельское о всемірномъ судѣ Христовомъ, если не грознымъ отголоскомъ той послѣдней трубы, которая, по увѣренію А. Павла, *вострубитъ некогда*, и мертвыхъ пробудитъ, и живыхъ измѣнитъ, и всѣмъ живымъ и мертвымъ, великимъ и малымъ, царямъ и подданнымъ, вельможамъ и простолюдинамъ, богатымъ и бѣднымъ, ученымъ и простымъ, всякому возрасту и полу—всѣмъ возвѣститъ всеобщій судъ? И если слышали, потряслась ли ваша душа, содрогнулось ли ваше сердце, смутилась ли ваша совѣсть, возбудилось ли въ васъ самосознаніе?—Ибо гласъ суда послѣдняго не можетъ не быть поразителемъ для насъ грѣшныхъ. Но тогда какъ церковь, вводя насъ въ наступающую седмицу, оглашаетъ ее и насъ такимъ поразительнымъ сказаніемъ о судѣ для всѣхъ насъ неизбѣжномъ, есть христіане, кои сію же самую седмицу, по обычаю мірскому, уже назначаютъ на послѣднія излишества для плоти, чтобы заключить ими прежнее болѣе свободное время и заpastись если не самими удовольствіями, то воспоминаніемъ о нихъ, противъ лишеній и строгостей, хотя впрочемъ весьма снисходительныхъ, приближающаго поста и покаянія. Что же это значить? то, что думаютъ веселиться и подъ звукомъ трубы судной, едвали не также почти, какъ и некогда плотской Израиль веселился, принося жертвы тельцу подъ горами Синайскими.

Боже долготерпѣливый, но и правосудный! Ужели христіане могутъ еще думать, что такое веселье ихъ не противно *ни имени и чести* христіанъ, кои однакожъ кля-

лись жить по Евангельскимъ правиламъ, а не по мірскимъ обычаямъ, *ни самымъ днямъ*, въ половину уже постнымъ, которые назначаются собственно для постепеннаго обузданія плоти, а не для послѣднихъ ей угожденій, *ни самому сказанію Евангельскому*, которымъ церковь хочетъ внушить живую память и страхъ, а не презрѣніе и безстрашіе къ суду послѣднему? Нѣтъ! Они вовсе о томъ не думаютъ, а думаютъ только веселиться, хотя Ты гремишь въ уши ихъ страшнымъ судомъ твоимъ.

Да чѣмъ же, скажутъ, можетъ быть нѣкоторые, защититься намъ отъ этого мірскаго обычая, столь давняго, почти повсюднаго, и всѣхъ увлекающаго? Какъ чѣмъ? Сіе-то и внушаетъ нынѣ церковь: мыслію о страшномъ Христовомъ судѣ, который развѣ не можетъ и среди самыхъ замышляемыхъ увеселеній упасть если не на всѣхъ насъ, то на кого нибудь, а на кого? мы не знаемъ.

Какъ ни прискорбенъ для церкви этотъ мірской обычай обращать полупостную уже седмицу въ седмицу плотскихъ излишествъ, праздниковъ, забавъ, увеселеній, и какъ ни прилично было бы нынѣ проповѣднику возопить, по выраженію Пророка, *крѣпостію и не пощадить, яко трубу возвыситъ гласъ свой и возвѣститъ людямъ грѣхи ихъ*, да убоится грядущаго Судіи (Ис. 58, 1); но послѣ сказанія Евангельскаго, я не нахожу довольно словъ, чтобы продолжить рѣчь о послѣднемъ судѣ. Довольно кажется и той картины суда сего, которую начерталъ самъ Христосъ, и которую Церковь нынѣ представляетъ вниманію нашему для того, чтобы остановить среди христіанъ въ эти дни этотъ замышляемый, но необдуманнѣйшій разливъ чувственныхъ увеселеній. Еслижь не довольно: то что въ моемъ словѣ, послушаютъ ли меня, если не страшатся словъ самаго Христа?

Однакожь взшедши на сіе мѣсто, должно что нибудь и сказать. Моя мысль отъ самаго суда переносится на то,

что на немъ особенно уважается, или останавливается на вопросъ: почему на этомъ судѣ преимущественно представляются дѣла челоуѣколюбія и грѣхи противъ онаго, какъ будто другія наши добродѣтели и грѣхи не имѣютъ столько важности, чтобы оправдать или осудить насъ на послѣднемъ судѣ. Мнѣ кажется прежде всего потому, что добродѣтели челоуѣколюбія для Бога преимущественно пріятны и благоугодны; и отъ того грѣхи противъ челоуѣколюбія для него особенно оскорбительны и ненавистны. Поговоримъ нѣсколько о семъ предметѣ.

И для насъ всего болѣе то пріятно, что согласно съ нашими наклонностями; оно удовлетворяетъ имъ, и тѣмъ радуется насъ. Такъ и Богу пріятнѣе всего то, что согласно съ Его мыслями или волею; оно потому уже не можетъ не быть Ему благоугодно, что само въ себѣ совершенно, и слѣдовательно имѣетъ внутреннее достоинство быть ему пріятнымъ. Но можетъ ли быть что согласнѣе съ мыслями Божиими, Его свойствами, волею и дѣлами, какъ дѣла челоуѣколюбія? Не даромъ уже древніе мудрецы говорили, что ничѣмъ сколько не дѣлается челоуѣкъ подобнымъ Божеству, какъ милостію къ подобнымъ себѣ. Всѣ свойства Божіи безконечно совершенны; но между ними особенное имѣетъ преимущество любовь. Именемъ любви Онъ даже благоволитъ называться, какъ бы любовь составляла самую сущность Божества. *Богъ любви есть*, говоритъ Богословъ—сей таинникъ любви божественной. Но на кого изъ тварей наиболѣе обращена любовь Божія, если не на челоуѣка?—*Блазъ Господь всяческимъ*, говоритъ Писаніе, *и щедроты его на всѣхъ дѣлахъ Его* (Псал. 144, 9). Но изъ всѣхъ благостныхъ дѣйствій Божіихъ, укажите мнѣ хотя одно дѣйствіе, которое не относилось бы къ челоуѣку прямо или косвенно, и не имѣло цѣлю, близкою или отдаленною, собственно его пользы или блага, если не всегда физическаго или временнаго, то непременно нрав-

ственного и вѣчнаго? Есть ли даже что въ мірѣ, что не было бы обращено на службу и во благо человѣку, когда вся земная тварь покорена подъ нозѣ его, когда Ангелы небесные суть служебные духи, посылаемые на служеніе ему во спасеніе (Евр. 1, 14.)?

Но присмотримся ближе въ слѣды особенной любви Божіей къ человѣку—Начнемъ съ самаго созданія. О прочихъ всѣхъ тваряхъ, не исключая можетъ быть и Ангеловъ, въ семь отношеній можно сказать вообще одно, что *Богъ рече, и быша: той повель, и создашася* (Псал. 32, 9). Но о человѣкѣ какая попечительная заботливость!—Въ началѣ Богъ держитъ въ троичности своей совѣтъ: *сотворимъ человека*, и по нашему именно образу—*сотворимъ его по образу нашему и по подобію*; потомъ творитъ ему особо тѣло, хотя изъ персти, но собственными руками; и особо изъ собственныхъ устъ своихъ вдыхаетъ ему жизнь, чтобы дать понять близость къ себѣ такой души; потомъ приготовляетъ ему особенно пріятное жилище; потомъ изъ него же изводитъ и къ нему же приводитъ помощницу по нему, или его достойную; потомъ дѣлаетъ ихъ господами и обладателями всей земной твари; потомъ благословляетъ ихъ на жизнь, блаженнѣе какой и вообразить нельзя:—что это, какъ не самыя вѣжныя заботы отца о возлюбленномъ своемъ первенцѣ?

Надобно жить; но человѣкъ, какъ и всякая тварь, не можетъ самъ собою продолжать своего бытія, какъ и не могъ самъ себѣ дать бытія. Божіимъ промышленіемъ живетъ вся тварь отъ перваго Ангела до послѣдней травки; и надъ человѣкомъ бдитъ провидѣніе; но столько же особенное, какъ было и созданіе. Это Провидѣніе слѣдитъ его на всѣхъ путяхъ его жизни; бережетъ въ немъ все до послѣдняго волоса; блюдетъ, да не преткнетъ онъ своей ноги о камень, да не ожжетъ его солнце днемъ, ниже луна ночью; самое зло обращаетъ для него въ добро—можетъ ли

быть попеченіе неусыпнѣе и заботливѣе? Но вотъ человѣкъ сдѣлался врагомъ Богу: теперь ужъ конечно любовь Божія къ нему прекратилась, по крайней мѣрѣ сократилась? Напротивъ только умножилась и увеличилась до того, что такой любви не получилъ самый Ангелъ, до того, что Богъ пожертвовалъ собою, Единороднымъ Сыномъ своимъ. *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своею Единороднаго далъ есть* (Іоан. 3, 16). Самъ Спаситель говоритъ, что больше той любви не можетъ и быть, какъ если кто посяжетъ душу свою за други своя (Іоан. 15-13). Но Христосъ, разсуждаетъ Апостолъ, умеръ за насъ нечестивыхъ. *Едва ли кто умретъ и за праведника: разве за благодѣтеля, можетъ быть, кто нибудь рѣшится умереть. Но Богъ простеръ любовь свою къ намъ до того, что, когда мы были грѣшниками, Христосъ за насъ умеръ* (Рим. 5, 6—8). Можетъ ли быть безпредѣльнѣе сего самое Божеское человеколюбіе, когда оно жертвуетъ собою не за друга, а за врага? Какъ не воскликнуть вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: *Господи, что есть человекъ, яко такъ помнишь его или сынъ чело-вѣчь, яко посыщаеши его* такими милостями.

Но что и вся теперешняя жизнь, какъ не одинъ непрерывный опытъ безчисленныхъ Божіихъ къ намъ милостей? Мы—Христіане, слѣдовательно участники послѣдней Божіей любви, явленной намъ во Христѣ; но мы не умѣемъ твердо жить по христіански: здѣсь то бы и возгорѣться всей ярости Божіей противъ не благодарныхъ; любовь Божія вся, кажется, истощена; но не признана; однакожь она и не признана, и не сокращается; *идѣ умножается нашъ грѣхъ, тамъ умножается къ намъ Божія благодать*, Богъ дождитъ на насъ не только тогда, когда мы добры, но и когда злы; а солнцемъ своимъ освѣщаетъ не только наши добродѣтели, но и наши беззаконія. За милосердіемъ Его мы вовсе забыли о Его правосудіи; намъ грозятъ Его судомъ, а мы отвѣчаемъ: *нѣсть грѣхъ побѣждающъ Его чело-*

въколѣбіе; если бы даже въ сію же минуту сказали намъ: смертные, идите на судъ, мы тотчасъ бы ободрились надеждою: Господь милосердъ, пощадить. — Правда, излишняя надежда на милосердіе Божіе есть уже грѣхъ, но она родилась отъ несомнѣнной увѣренности въ Божіемъ человеколюбіи.

Столько Богъ человеколюбивъ, что Его человеколюбіе какъ бы закрываетъ свойства и печатлѣетъ всѣ Его дѣйствія: могутъ ли послѣ сего дѣла человеколюбія не быть для Него всего пріятнѣе, равно какъ и грѣхи противъ человеколюбія, всего ненавистнѣе? — Что у Пророка сказалъ Богъ о возлюбленномъ нѣкогда Израилѣ, что *касайся ихъ, яко касайся въ зеницу ока Ею*, (Захар. 2, 8.): тоже по всей справедливости и во славу Его человеколюбія можно приложить и ко всякому человѣку, что касайся его-любовію или непріязнію — касается какъ бы ока Божія. — Богу до того пріятны дѣла человеколюбія и чувствительны грѣхи противъ онаго, что Онъ тѣ и другія переноситъ на самаго себя, какъ бы то и другое лично ему дѣлалось. Вотъ почему говоритъ Писаніе: *милуя нища взаимъ даетъ Богови* (Притч. 19, 17). А Иисусъ Христосъ выразился осемь еще опредѣленнѣе: *попече сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе* или: *попече не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни мнѣ сотвористе* (Матѣ. 25, 40. 45).

Итакъ, возлюбленный слушатель, ктобы ты ни былъ, пойми, и уразумѣй, сколько дороги, важны, пріятны или огорчительны для Бога наши дѣла для ближнихъ или противъ ближнихъ. Если ты накормилъ алчущаго брата твоего, ты угостилъ самаго Бога; если жъ не накормилъ, ты Бога предалъ снѣдаться голодомъ. Если ты напоилъ жаждущаго, напоилъ самаго Бога; но если ты не напоилъ (жаждущаго), ты Бога оставилъ умирать отъ жажды. Если ты ввелъ въ домъ свой безпріютнаго, ты самаго Бога у

себя водворилъ; еслижъ не ввелъ, ты Бога отослалъ отъ дверей своихъ. Если ты прикрылъ наготу бѣднаго, одѣлъ самага Бога; еслижъ отказалъ, ты Бога предалъ стужѣ, зною или дождю. Если ты утѣшилъ больнаго своимъ посѣщеніемъ, утѣшилъ самага Бога; но если не посѣтилъ его, ты Богу отказалъ въ твоемъ утѣшеніи. Если ты пришелъ къ узнику въ темницу, пришелъ къ самому Богу; но если не пришелъ, ты Бога призрелъ въ темницѣ. Не возражай: гдѣ было тебѣ видѣть Бога алчущимъ, жаждущимъ, болящимъ, въ темницѣ. *Понеже сотвористе или не сотвористе единому сихъ меньшихъ братій вашихъ, мнѣ самому сотвористе или не сотвористе*, отвѣтствуетъ Онъ.

Но, братіе, грѣхи противъ человѣколюбія доселѣ нами упомянутые, суть еще только отрицательные—*не сотвористе*; но могутъ быть и бываютъ грѣхи положительные, когда ближнему оказывается какая нибудь несправедливость—*сотвористе*. Еслижъ и отрицательные грѣхи такъ важны, потому что Богъ относить ихъ къ самому себѣ: какой же важности должны быть грѣхи положительные, потому что ихъ еще скорѣе отнесетъ къ самому себѣ Богъ? Что, если ты не только не посѣтилъ узника въ темницѣ, но еще самъ повергъ его туда и то совершенно безвинно, неправосудно, изъ какой нибудь личности, корысти, по лицепріятію? Что, если ты не только не утѣшилъ больнаго, но еще самъ какими либо безчеловѣчными притѣсненіями или жестокостями возвелъ и положилъ его на одрѣ болѣзненный, если уже не смертный? Что если ты не только не прикрылъ наготы бѣднаго, но и самъ хищническою рукою лишилъ послѣдняго рублища? Если ты не только не водворилъ въ домъ своемъ безпріютнаго, но и самъ насиліемъ выгналъ его изъ подъ отеческаго крова? Если ты не только не напиталъ алчущаго или не напоилъ жаждущаго, но и самъ ненасытнымъ лихоимствомъ или неправедною тягбою вырвалъ у него послѣдній кусокъ хлѣба? Какъ ни думай, но то

или другое ты самому Богу сдѣлалъ, если сдѣлалъ, или даже не воспрепятствовалъ другому, или даже помогъ ему то сдѣлать. — *Понеже сотвористе единому малыхъ сихъ, миль сотвористе.*

Не должно, однакожь, думать, чтобы изъ самыхъ положительныхъ грѣховъ противъ челоуѣколюбія были самой высшей важности только тѣ, кои обыкновенно представляются намъ такими, каковы: убійство, грабежь, притѣсненіе невинныхъ и под: нѣтъ, важна всякая несправедливость противъ ближняго потому самому, что Богъ принимаетъ его на себя. Поэтому ненависть еще не убійство, но равняется самому убійству; ибо сказано: *всякъ не навидяй брата своего челоуѣкоубійца есть.* Важное ли по нашему дѣлу назвать кого нибудь уродомъ, но за сіе угрожается геенною огненною; и не одна кровь Авелева, но и плата не праведно удерживаемая у наемника, вопіеть къ Богу объ отмщеніи: это значить, всякая несправедливость противъ ближняго есть грѣхъ, вопіющій на небо, И можетъ ли быть иначе, когда каждый изъ насъ и всякій послѣдній братъ нашъ столько дорогъ Богу, что стоитъ ему крови Христовой. Братъ твой немощень: но за него, какъ и за тебя, Христось умеръ, говоритъ Ап. Павелъ.

Не говоримъ, чтобы и другія добродѣтели и грѣхи наши не имѣли своей важности, и нѣкоторыя—самой высшей, напримѣръ, благочестіе и цѣломудріе, нечестіе и развратъ—первыя суть добродѣтели самыя Богоугодныя, а послѣднія суть грѣхи вопіющіе на небо. Но благочестіемъ исполняется, и нечестіемъ преступается законъ въ отношеніи одного Бога; равно какъ цѣломудріемъ сохраняется, и развратомъ нарушается законъ въ разсужденіи одного себя. Дѣлами же челоуѣколюбія исполняются, а грѣхами противъ него разрушаются вмѣстѣ два закона—о любви къ ближнему и о любви къ Богу, особенно потому, что Богу угодно любовь къ Нему соединить съ любовью къ ближнему и перенести сію послѣднюю на самого себя.—

По сему-то добродѣтели чловѣколюбія и грѣхи противъ него въ самомъ дѣлѣ выше и важнѣе прочихъ нашихъ добродѣтелей и грѣховъ, такъ какъ ими нарушаются двѣ самыя высшія заповѣди, тогда какъ прочими добродѣтелями и грѣхами соблюдается или преступается только одинъ какой либо законъ.

Вотъ почему дѣла чловѣколюбія и грѣхи противъ онаго, преимущественно представляются и въ изображеніи суда послѣдняго: добродѣтели, какъ преимущественно Богу благоугодныя; грѣхи, какъ преимущественно Богу ненавистныя.

Для чего жь, скажете, Церковь даетъ намъ нынѣ знать, что такія преимущественно добродѣтели оправдаются и такіе грѣхи осудятся на судѣ послѣднемъ? Для того, чтобы возбудить насъ нынѣ къ первымъ, и предостеречь отъ послѣднихъ. Я не престану напоминать вамъ, братіе, что приближаются дни поста и покаянія, что Церковь теперь тѣмъ и озабочена, чтобы лучше приготовить насъ къ такимъ днямъ, что она употребляетъ всякія приличныя мѣры для того, чтобы сдѣлать постъ и покаяніе наиболѣе для насъ спасительными, и вотъ въ числѣ таковыхъ мѣръ не послѣднее мѣсто занимаютъ добродѣтели чловѣколюбія, которыя она нынѣ намъ и внушаетъ. Дѣламъ чловѣколюбія усвоено то особенное преимущество, что ими чловѣкъ особенно можетъ угождать Богу, очищать свои грѣхи, содѣлывать самый постъ свой болѣе достойнымъ. *Благодѣянія и общенія не забывайте*, убѣждаетъ Апостоль Павелъ; *такowymi бо жертвами благоугождается Богъ* (Евр. 13, 16). *Милостынями и спреми очищаются грѣхи* (Притч. 15, 27), учитъ другое писаніе. *Грѣхи твоя милостынями искупи*, совѣтуетъ Пророкъ Даніилъ царю Вавилонскому (Дан. 4, 24). Милостыни Корнелія сотника, еще язычника, взошли къ Богу и низвели на него св. Духа (Дѣян. 10, 4). *Что яко постихомся, и не увидѣлъ еси*, говорили

жестоковыйные Иудей къ Богу; смирихомъ души наша, и не увидѣлъ еси? Богъ отвѣтствовалъ имъ чрезъ Пророка: *Потому, что вы во дни пощений вашихъ обрѣтаете воли ваша, и вся подручныя ваша томите. Аще въ судьхъ и сварьхъ поститесь, и бѣете плетми смиреннаго, вскую мнѣ поститесь... не сицеваго поста Азъ избрахъ... но разрьшай всякъ союзъ неправды, разрушай обдоженія насильныхъ писаній, отпусти сокрушенныя въ свободу, и всякое писаніе неправедное раздери. Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой; аще видиши, нага одѣнъ, и отъ свойственныхъ племени ты его не презри. Тогда разверзется рано свѣтъ твой и изцѣленія твои скоро возсіяютъ. Тогда воззовеши, и Богъ услышитъ тя и еще глаголющу ти речетъ: се придохъ.* (Ис. 58, 3—9). Если жь дѣла челоуѣколюбія имѣють такую силу и важность предъ Богомъ, то не явно ли, что если мы заранѣе обратимся къ нимъ, можемъ ими, какъ нѣкою довлѣющею цѣною, заранѣе какъ бы закупить себѣ или задобрить милосердіе, какого будемъ ожидать, просить и надѣяться отъ Бога въ самые дни поста и покаянія?

Если бы послѣ сего кто потребовалъ отъ меня совѣта, я далъ бы такой. Ты возлюбленный, въ наступающіе дни общаешь дать пріятелямъ своимъ богатый обѣдъ: хорошо; но не забудь къ обѣду своему пригласить и алчущихъ братій твоихъ или дай имъ хотя что нибудь, чѣмъ бы могли они хотя нѣсколько дней прокормиться.—Ты угостишь самого Христа, который самъ почитъ тебя нѣкогда богатѣйшею вечерію въ царствѣ небесномъ. Или ты во одинъ изъ наступающихъ дней думаешь нарядиться въ лучшія твои одежды и уборы: не забудь въ тоже время прикрыть наготу этого бѣдняка, котораго рубища ты самъ мимоходомъ стыдился; ты одѣнешь самаго Христа, который нѣкогда прикроетъ и украситъ собственную твою грѣховную наготу одеждою своего оправданія. Или: ты въ настоящіе дни будешь дѣлать или платить пріятелямъ сво-

имъ дружескія посѣщенія; не забудь посѣтить этого больного, который ждетъ соскорбящаго, и не получаетъ утѣшающаго: тамъ, на болѣзненномъ одрѣ увидишь самаго Христа, который самъ готовъ подать душѣ твоей и всякое утѣшеніе и всякое врачеваніе. Или: ты положилъ уже въ себѣ въ назначенный день поѣхать въ собраніе; спасеніемъ твоимъ убѣждаю тебя побывать въ темницѣ, гдѣ ты найдешь уже не одного Христа, но цѣлое собраніе Христовъ, если позволено такъ выразиться, и какое для тебя утѣшеніе! Всѣ они будутъ ходатайствовать о томъ, чтобъ спасти тебя отъ страшной неисходной темницы, которая за гробомъ ожидаетъ грѣшниковъ.—Но братіе, и безъ примѣненія къ Евангельскому чтенію я желалъ бы, чтобы въ наступающую седмицу всякій изъ васъ особенно занялся дѣлами человеколюбія, хотя изъ той ихъ пользы для нашего поста и покаянія, о которой мы выше сказали. Да не удержится кто мыслию, что не можетъ многого дать бѣднымъ, или давая можетъ самъ оскудѣть. Никто этого не желаетъ, не требуетъ, не совѣтуетъ: это значило бы перемѣнять лица, но не участи. Не то нужно, говоритъ Ап. Павелъ, разсуждая о подаваніяхъ бѣднымъ, чтобы *другимъ*, т. е. получающимъ было *облегченіе*, а вамъ—дающимъ *отягощеніе*; но чтобы было *уравненіе* (2. Кор. 8, 15), крайней мѣрѣ, чтобы бѣдный не умиралъ съ голоду, когда богатый роскошествуетъ: и это было бы уже нѣкоторое уравненіе. Было бы усердіе; оно пріемлется, продолжаетъ Апостоль, — по мѣрѣ того, кто что имѣетъ; а не по мѣрѣ того, чего не имѣетъ. Но развѣ дѣла человеколюбія совершаются одними подаваніями? О, какъ много у человѣка и другихъ нуждъ, которыя не даютъ ему иногда вкусить хлѣба, уже готоваго. Итакъ благотвори ближнему, чѣмъ и какъ можешь: богатый возможными для тебя подаваніями, имѣющей власть—безпристрастіемъ, справедливостію, судія—нелицеприятнымъ правосудіемъ, сильный—защитою и

покровительствомъ, мудрый добрыми совѣтами, простой— простою помощію, утѣшь брата твоего хоть ласковымъ словомъ, взглядомъ, хотя одною сострадательною слезою, одною миною участія. — Ей, именемъ и словами самаго Господа Иисуса Христа, увѣрю васъ, братіе, что чаша студеной воды поданная во имя Его кому нибудь, не потеряетъ мзды своей (Матѣ. 10, 42). Потому что все, что мы сдѣлаемъ меньшему брату нашему, то Ему сдѣлаемъ; а чего не сдѣлаемъ брату, того не сдѣлаемъ Ему. Аминь.

Б Е С Ъ Д А

въ недѣлю сыропустною.

Часъ уже намъ отъ сна востати: нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда впрвоахомъ. (Римл. 13, 11).

Если спасеніе къ намъ ближе, то прежде, значить оно было отъ насъ далеко, по крайней мѣрѣ не такъ близко, какъ нынѣ. Что же это? Развѣ мы до нынѣ не вѣровали? Нѣтъ, вѣровали и вѣруемъ, и уже давно, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стали называться христіанами, ибо потому такъ и называемся, что вѣруемъ во Христа, слѣдовательно съ самаго нашего рожденія. Отъ чего же спасеніе донынѣ къ намъ не было близко, тогда какъ Апостолы въ одинъ голосъ говорятъ, что *спасеніе отъ вѣры* (Ефес. 2, 8), что оно необходимъ *плодъ вѣры* (1 Петр. 1, 9), и слѣдовательно гдѣ вѣра, тамъ должно быть и спасеніе? Отъ чего наша вѣра донынѣ не принесла намъ спасенія? Отъ чего не устроила нашихъ мыслей по истинамъ Евангельскимъ? Отъ чего не дала намъ добродѣтелей христіанскихъ—воздержанія, братолюбія, благочестія? Отъ чего не внесла въ наше сердце того убѣжденія, что—случись намъ умереть завтра, нынѣ, хотя сей часъ,—мы могли бы съ

полною увѣренностію и надеждою лечь въ гробъ и воскреснуть въ царствіе небесное?—Увы! есть, видно вѣра, которая и не спасаетъ; и мы доселѣ грѣшники, хотя вѣруемъ съ самаго начала жизни. А гдѣ грѣхи, какое тутъ спасеніе? Что же мы должны дѣлать? Мы—спали, какъ бы въ приятной тѣни милосердой нашей вѣры. Потому-то церковь, вводя насъ въ поприще святой четыредесятницы, пробуждаетъ насъ отъ сна, оглашая словомъ Апостольскимъ: *часъ уже намъ отъ сна востати: нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда впровахомъ.* И еслибъ мы только спали! Или спали такимъ сномъ, въ которомъ не ходятъ, не дѣйствуютъ и нисколько не грѣшатъ!.. Нѣтъ, мы въ своемъ снѣ дѣйствовали, какъ дѣйствуютъ въ бодрственномъ состояніи; только дѣлали все, что противно и вредно нашему спасенію, и не дѣлали только того, что необходимо и полезно для нашего спасенія. Такимъ образомъ идя непрестанно не впередъ, а назадъ, не къ Богу, а къ грѣху, мы тѣмъ самымъ не приближали къ себѣ, но отдаляли отъ себя свое спасеніе. Это сонъ болѣзненный, въ которомъ ходятъ и дѣйствуютъ безъ сознанія и не для дѣла, или—это сонъ мертвыхъ, неспособныхъ ни къ какому истинному дѣйствованію. Такимъ-то сномъ до нынѣ спали мы, бѣдные мои братіе! Но *востани спяи и воскресни отъ мертвыхъ, и освятитъ тя Христосъ* (Еф. 5, 14) какъ солнце, во дни покаянія. *Часъ уже намъ отъ сна востати: нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда впровахомъ.*—Если мы сами не приблизили къ себѣ спасенія, не смотря на то, что такъ давно вѣруемъ въ Христа, и столько разъ понапрасну приносили покаяніе; то церковь нынѣ приближаетъ его къ намъ, снова возвращая намъ дни св. поста, снова призывая насъ къ покаянію, и снова предлагая намъ свои наставленія для дѣла столько для насъ важнаго, какъ покаяніе, дабы не дать снова сбыться на насъ грустнымъ словамъ Пророка о Вавилонѣ: *врачевахомъ Вавилона, и не*

изцълъ (Иер. 51, 9). Врачевались не разъ покаяніемъ и всѣ здѣсь предстоящіе, но, какъ видно, не изцѣлялись. О! если бы того же и нынѣ не случилось! *Часъ уже намъ отъ сна востати: нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели, егда впровахомъ.* Братіе мои! спасеніе, конечно, не есть предметъ самый послѣдній, или столько для насъ маловажный, чтобы не стоилъ нашего вниманія: будемъ же внимательны къ наставленіямъ евангельскимъ, коими церковь напутствуетъ насъ на поприще покаянія, чтобы и нынѣ, когда спасеніе къ намъ ближе, чѣмъ прежде, не упустить его и не каяться понапрасну.

Отъ чего наше покаяніе, столько разъ нами повторенное, донныѣ не спасало насъ, и впередъ можетъ не спасать? Или отъ того, что мы не оказываемъ должнаго снисхожденія нашимъ ближнимъ даже во время покаянія; или отъ того, что во время покаянія не строго постимся, или постимся только наружно, а не внутренно, слѣдовательно лицемѣрно; или отъ того, что во время покаянія не оставляемъ, или не ослабляемъ своей излишней привязанности къ земнымъ сокровищамъ. Много тому и другихъ причинъ; но нынѣшнее Евангеліе заставляеть пока остановиться на этихъ особенно, которымъ оно противопоставляетъ и свои наставленія.

Первое наставленіе. Если мы во время самаго покаянія не дѣлаемъ снисхожденія къ нашимъ ближнимъ, но гнѣваемся на нихъ, тѣснимъ ихъ, отмщаемъ имъ за какіянибудь ихъ противъ насъ вины, покрайней мѣрѣ не миримся съ ними: то какъ можно думать, что бы покаяніе наше было истинно, оправдательно, спасительно?—Сами не прощаемъ ближнимъ; какъ же надѣемся испросить себѣ у Бога прощеніе? Не прощаемъ потому, что не любимъ своихъ ближнихъ, или уже показываемъ къ нимъ свою нелюбовь тѣмъ, что не прощаемъ; кто не любитъ ближняго, тотъ не любитъ и Бога; ибо любовь къ Богу скры-

вается въ любви къ ближнимъ; *кто говоритъ: люблю Бога, а брата своего ненавидитъ*, по Апостолу, *ложь есть* (Іоан. 2, 10, 11): какъ же дерзнемъ просить себѣ прощенія у Бога, Котораго сами же не любимъ, не любя своего ближняго?—Наконецъ, любить ближняго, даже враговъ, есть заповѣдь Господня (Матѳ. 5, 43, 44), отличающая Христіанъ: но преступивъ эту одну заповѣдь, ты, по Апостолу, *преступникъ всего закона* (Іоан. 10, 11), какъ по единству законодателя и духа закона, такъ и по природѣ твоего духа: какъ же, нарушая законъ въ самомъ покаяніи, можешь почитать свое покаяніе дѣйствительнымъ и Богу пріятнымъ?—Грѣшишь тогда же, когда каешься—что это, какъ не насмѣшка или наглость предъ Богомъ? И такъ прими всею душою Евангельское наставленіе противъ такого недостатка въ дѣлѣ покаянія: *аще отпущаете человеку согрѣшенія ихъ*, говоритъ Христосъ, *отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: аще ли не отпущаете человеку согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мат. 6, 14, 15). Если хотимъ испросить себѣ прощенія грѣховъ у Бога, то будемъ прежде сами снисходительны къ своимъ ближнимъ; простимъ имъ, и Богъ намъ проститъ; примирится съ ними отъ души, и Богъ съ нами примирится совершенно; но если сами не простимъ, не примиримся, то и Онъ насъ не проститъ, и Онъ съ нами не примирится. Жаловались вѣкогда Богу подобные намъ кающіеся: *что яко постихомся, и не увидѣлъ еси? Смирехомъ души наша, скорбѣли и каялись, и не увидѣлъ еси?* То, отвѣтствовалъ имъ Богъ чрезъ Пророка, *что во дни пощенихъ вашихъ обрътаете воли ваша и вся подручныя ваша толчите. Аще въ судныхъ и сварныхъ поститесь, и бьете пястми смиреннаго: аскую миль поститесь, якоже днесь! Не сущаго поста Азъ избрахъ, и дне, еже смирити человеку душу свою; ниже аще слячещи, яко серпъ, выю твою, и вретиче и перель постелеши, ниже тако наречете постъ пріятенъ. Не та-*

коваго поста Азъ избрахъ, глаголетъ Господь: но разрышай всякъ союзъ неправды (всякія ссоры и тяжбы), разрушай обдоженія насильныхъ писаній (притѣсненія должниковъ), отпусти сокрушенныя въ свободу (сокрушающихся о неприятности тебѣ сдѣланной), и всякое писаніе неправедное раздери (всякую вину отпусти). Тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ (Ис. 58, 3—6, 8); тогда покаяніе будетъ спасительно.

Второе наставленіе. Какъ можетъ быть покаяніе дѣйствительнымъ безъ воздержанія и поста?—Казалось бы, что и невозможно, чтобы мы во время самаго покаянія неограничивали себя въ чувственныхъ удовольствіяхъ: однабожь бывасть. Хорошо еще, если невыходятъ далеко изъ границъ, но постятся иные слишкомъ мало для того, чтобы смирить душу свою, смиряя плоть постомъ; а иные постятся только наружно, чтобы казаться челоувѣкамъ, и вовсе не внутренно, чтобы удержать ту или другую страсть. Ссылаются на слабость здоровья или немощь тѣла, что не могутъ употреблять сухой и постной пищи, и выбираютъ или готовятъ пищу самую пріятную, только что не мясную, или на слабость силъ тѣлесныхъ, что не могутъ быть безъ пищи далѣе обыкновеннаго,—день или два, и дозволяютъ себѣ вкушать два или нѣсколько разъ въ день—чтожь это за постъ? Такъ ли, напр., постились Ниневитяне, кои наложили постъ не только на людей, но и на скотовъ, вовсе безъ пищи и питія (Ион. 3, 5—8). Но брашно, говорятъ, не поставитъ насъ предъ Богомъ. Но недолжно ли однакожь опасаться, какъ бы это неповредило посту (Мар. 8, 8, 9), а чрезъ постъ и самому покаянію? Это болѣе, нежели вѣроятно.—Но что хуже всего, такъ это постъ лицемѣрный, наружный безъ внутренняго, для людей, а не для Бога, для славы, а не для спасенія.—Необходимо поститься и наружно или тѣлесно, но въ тоже время необходимо постъ начать съ внутренне

няго или съ души. Наружный постъ помогаетъ душѣ въ обузданіи плоти; но самый корень плотскихъ мыслей и пожеланій, а слѣд. и грѣховъ, въ душѣ; откуда они переливаются чрезъ тѣло наружу: что же теперь поститься только наружно, а и не внутренно? Нетоже ли, что обрубить листья и вѣтви, а оставлять стволъ и корень, чтобы, снова дать вырости вѣтвямъ и листьямъ? И выростутъ новыя страсти и грѣхи изъ немирной постомъ души. Что въ такомъ постѣ для покаянія? Что постъ и для людей, а не для Бога?—Люди насъ не могутъ ни осудить, ни оправдать вмѣсто Бога; да и для людей ли наше покаяніе, для котораго весь нашъ постъ? Что постъ и для славы людской, а не для покаянія? До славы ли тутъ, когда должно идти къ Богу со всею своимъ грѣховнымъ безславіемъ, униженіемъ, окаянствомъ?—И тамъ выслушай, возлюбленный, наставленіе и касательно поста. *Егда же поститесь, говорить І. Христось, не будите якоже лицемѣри сътвующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся человекомъ постящися: аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою. Ты же постяся помози глазу твою и лице твое умыи, яко да не явишияся человекомъ постяся, но Отцу твоему, иже въ тайнѣ; и Отецъ твой, видяи въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (Мат. 6. 16—18). Не поститься нельзя, если хочешь истинно покаяться: ибо иначе нельзя обуздывать грѣховныхъ похотей. Плотскія удовольствія тоже для души, что огонь подъ водою; вода подъ огнемъ приходитъ въ движеніе, волнуется, кипитъ и не даетъ ничего видѣть на днѣ сосуда; такъ и плотскія удовольствія возмущаютъ, волнуютъ, кипятятъ нашу душу, и не даютъ видѣть, что въ ея глубинѣ, куда однакожь самолюбіе хоронитъ самыя тяжкія и тайныя грѣхи. Какъ же возможно покаяніе безъ ограниченія плотскихъ удовольствій, безъ воздержанія и поста?—Тутъ невозможно никакое сознаніе своихъ грѣховъ. Но если будемъ и поститься, но лицемѣрно, хотя и строго, но толь-

ко наружно и для людей, а не внутренно для Бога; то люди, можетъ быть, тебя и замѣтятъ и отличать, какъ нельзя незамѣтить челоуѣка, который наведетъ себѣ лице черною краскою, но Богъ твоего поста не приметъ; ибо Онъ не для Него, и осудить тебя за лицемѣріе такъ же строго, какъ Онъ всегда осуждалъ лицемѣріе Фарисеевъ, повторяя имъ: *горе вамъ, горе вамъ Фарисеи лицемѣри* (Мат. 23, 25—28).

Третіе наставленіе. Если мы во время своего покаянія хотимъ сохранить всю свою привязанность къ земнымъ сокровищамъ: то и тутъ покаяніе истинное невозможно. *Идеже бо сокровище ваше*, говоритъ Христось, *ту будетъ и сердце ваше* (Мат. 6, 21). Покаяніе должно состоять въ перемѣнѣ жизни грѣшной на праведную, въ освобожденіи сердца отъ страстей и подчиненіи его закону Божию, въ погашеніи любви къ міру и возбужденіи любви къ Богу. Какъ же перемѣнить жизнь грѣшную на праведную, когда душа прикована къ земнымъ сокровищамъ и не думаетъ о спасеніи? Какъ освободить сердце отъ страстей и подчинить его закону Божию, когда оно делѣтъ въ себѣ столь ужасную страсть, какъ страсть сребролюбія, и покланяется золоту, какъ божеству, отъ чего *лихоиманіе есть*, по Апостолу, *идолослуженіе* (Колос. 3, 5)? Какъ заставить расположить его любить Бога, когда его не отрываютъ отъ земли, гдѣ всѣ его сокровища? *Неможете Боу работати и мамонъ* (Мат. 6, 24). Что тогда и покаяніе?—Итакъ подвигнемся, братіе, Евангельскимъ наставленіемъ и противъ сего недостатка въ дѣлѣ покаянія. *Не скривайте себѣ сокровищъ на земли: но скривайте себѣ сокровище на небеси; первыя тлѣнны и удоботеряемы—ихъ червь и тля тлитъ, и татіе подкапываютъ и крадутъ; а послѣднія нетлѣнны и не похитимы,—ихъ ни червь, ни тля тлитъ, ни татіе не подкапываютъ, ни крадутъ; первыя тѣлесны и временны и даны намъ только на время здѣшней жизни и для тѣла, а*

не для души, которой не могут насытить; а послѣднія духовны и вѣчны, какъ и сама душа духовна и безсмертна, и въ вѣчности составятъ все блаженство для человѣка; первыя наконецъ необходимо вредятъ покаянію, ибо приковывая человѣка къ землѣ, не даютъ ему возноситься мыслію къ небу и къ Богу, какъ связанные крылья не пускаютъ птицу вверхъ; послѣднія напротивъ, отвлекая человѣка отъ земли своею высотой и духовностію, возвышаютъ и устремляютъ его къ Богу и тѣмъ явно содѣйствуютъ покаянію. *Идѣ же бо сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Мат. 6, 19—21): сокровище на землѣ, и сердце на землѣ; сокровище Богъ, и сердце въ Богѣ, или будетъ стремиться къ Нему, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ: *изчезе сердце мое къ тебѣ Боже сердца моего* (Пс. 72 26). Какъ же послѣ сего необходимо въ покаяніи оторвать сердце отъ земныхъ сокровищъ, и привязать его къ сокровищамъ небеснымъ? Но можно и должно самыя земныя сокровища обратить въ цѣну небесныхъ: какъ же это? *Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой, и отъ свойственниковъ племени твоего, особенно же присныхъ по вѣрѣ, не презри: тогда воззовеши, и Богъ услышитъ тя, и еще глаголющу ти, речетъ: се приидохъ* (Лс. 58, 7, 9); тогда и покаяніе твое будетъ спасительно.

Нужно ли что еще присовокуплять къ такимъ наставленіямъ? Развѣ то внушеніе, чтобы покаяніе наше было чуждо какъ излишняго страха правды Божіей, какъ бы нельзя было ея умилостивить никакими строгостями покаянія, и потому какъ никакъ—все равно, не получишь прощеніе,—такъ и излишней надежды на милость Божию, какъ бы во все небыло нужды ни въ какой строгости покаянія, чтобы получить отпущеніе грѣховъ, и потому хотя не кайся, а получишь отъ духовника разрѣшеніе. Впрочемъ это внушеніе для внимательныхъ уже скрывается въ тѣхъ словахъ Евангелія, въ которыхъ говорится, что ес-

ли мы простимъ ближнимъ, то Богъ и намъ проститъ; если же не простимъ, то и намъ Богъ не проститъ. Богъ, говорятъ безпредѣльно праведенъ; какъ же слишкомъ или безъ мѣры и границъ надѣяться на Его милость? У Бога на все—мѣра, вѣсь, число. (Премудр. 11, 21). Онъ не скоръ на гнѣвъ, но и не расточителенъ на милость. Отпусти ближнему, и не бойся правды, и надѣйся на милость; ибо самъ Богъ тебѣ предлагаетъ; *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный*. И за какую малость продаетъ тебѣ Онъ безцѣнную свою милость?—Простить ближнему—трудное ли это для тебя дѣло? Тутъ ненужно ни нособинаго ума, ни большихъ усилій, ни огромныхъ богатствъ, ни кровавыхъ заслугъ или жертвованій; одно только нужно—владѣй собою, что и во всякое другое время или во всякомъ другомъ случаѣ тебѣ нужно и должно. Но чѣмъ бы ты искупилъ свои грѣхи, свою душу?—Для сего недостаточно ни какой земной цѣны, хотя бы ты отдавалъ весь мѣръ и всего себя (Мат. 16 26). Къ чему же тутъ излишній страхъ правды, когда Богъ такъ дешево продаетъ тебѣ свое милосердіе?—Исполни только условіе—прости брату. Но если не простишь, то бойся и не надѣйся. Ибо самъ же Богъ говоритъ: *аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшенія ваши*. И какъ не бояться, когда ты не уступаешь Богу того, что Онъ отъ тебя требуетъ ради тебя же самаго, и что само въ себѣ такъ ничтожно? Уже ли вины брата твоего предъ тобою безпредѣльной для тебя важности? Уже ли ты тоже отъ него потерпѣлъ, что Христось, Который однакоже на самомъ крестѣ молился за своихъ враговъ и простилъ имъ? —«Если простишь, говоришь ты, меня осмѣютъ, сочтутъ слабымъ, причинять новое зло; честь моя не возстановится, убытокъ не вознаградится, чувство обиды не успокоится.»—Пусть такъ; но вѣдь ты самъ оскорбилъ Бога, и

просишь у Него прощенія; ужъ не смѣешься ли ты Ему? не считаешь ли Его слабымъ? Не потому ли не престаешь дѣлать Ему часъ отъ часу новыя оскорбленія? Не уничижаешь ли страшнаго Его величія? Не думаешь ли дѣлать Ему обиды вознаградимыя, и между тѣмъ самъ же надѣешься, что чувство гнѣва Ему не прилично или у Него бездѣйственно, когда думаешь получить отъ Него прощеніе безчисленнымъ грѣхамъ твоимъ?—Нѣтъ, ты не таковъ и сохрани тебя Богъ отъ такихъ мыслей; но отъ себя же вразумись, что тебѣ нечего бояться ничего непріятнаго, если простишь ближнему; мщеніе производитъ враговъ, но примиреніе съ врагами дѣлаетъ и враговъ друзьями; но бойся и не надѣйся, если не простишь ближнему, ибо Богъ уже угрожаетъ за то не проститъ тебѣ, и чрезъ Апостола говоритъ: *судъ безъ милости не сотворшему милости* (Тол. 2, 13). Можно ли тутъ надѣяться и излишне надѣяться!

И такъ, братіе, *часъ уже намъ отъ сна востати; нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда въровахомъ*. О! если бы оно отъ насъ не удалилось! Но оно не удалится, если мы примиримся съ ближними отъ всей души, будемъ поститься нелицемѣрно, забудемъ о земныхъ сокровищахъ и вперимся мыслию и сердцемъ въ небесныя, и не ослабимъ своего покаянія ни излишнимъ страхомъ правды Божіей, ни излишнею надеждою на милосердіе Божіе. При такомъ настроеніи мы путемъ покаянія прямо пойдемъ и дойдемъ къ спасенію. Впрочемъ, чтобы востать отъ грѣховнаго сна, имемъ за Христа вѣрою; ибо безъ Него покаяніе не возможно, какъ мертвому не возможно самому собою встать изъ гроба. И потому, братъ возлюбленный на свои силы не надѣйся; но и не противься силѣ Христовой влекущей тебя къ покаянію. Возжелайже себѣ спасенія, ибо въ немъ все наше счастье, блаженство, радость, жизнь, вся вѣчность, а безъ него— намъ одна смерть, однѣ вѣчныя муки, одно отверженіе Богомъ,—худшее всякихъ мукъ; и возжелавши пробудись

отъ сна на гласъ Евангельскій, нынѣ тебя огласившій. Еслижъ не захочешъ теперь проснуться, то бойся, мой братъ, заспать такъ долго и такъ глубоко, что развѣ труба послѣдняя пробудитъ тебя, только уже не къ покаянію и спасенію, а къ суду и осужденію на всю вѣчность. Аминь.

С Л О В О

въ недѣлю сыропустную на вечерни.

Чась уже намъ отъ сна встати. (Рим. 13, 11).

Въ другой разъ, братіе мои, нынѣ оглашаю васъ однимъ и тѣмъ же гласомъ Апостольскимъ, а по важности стоило бы повторять его сколько можно чаще.

Впрочемъ, при теперешнемъ настроеніи вашихъ мыслей, которыя конечно заняты всѣ теперь наступающею четырьдесятицею, вы и сами скажете, что дѣйствительно *пора намъ пробудиться и встать отъ сна грѣховнаго*. Но какъ встать?

Такъ же, какъ пали или заснули, только путемъ возвратнымъ. Нельзя изчислить и пересмотрѣть всѣхъ частныхъ путей, какимъ кто изъ насъ ниспадалъ до усыпленія въ грѣхъ, но всѣ такіе пути, какъ бы ни были безчисленны и разнообразны, болѣе или менѣе, ближе или дальше, виднѣе или скрытнѣе, но только всѣ повторяютъ собою одинъ общій путь, которымъ пали наши прародители. Потому-то церковь, вводя насъ въ поприще поста и покаянія, приводитъ намъ на память и паденіе нашихъ протцевъ, дабы дать намъ подъ однимъ взглядомъ усмотрѣть путь общаго всѣмъ намъ паденія и по немъ составить возвратный путь покаянія къ спасенію. Итакъ присмотримся къ тому и другому пути.

Богъ сказалъ нашимъ прародителямъ: *отъ всякаго древа, что въ раю, вы можете вкушать, но вотъ отъ этого одного не вкушайте; какъ же скоро вкусите отъ него, смертію умрете.* Послѣ того приступилъ къ нимъ и искушитель въ видѣ змія, и спрашивалъ, какъ бы самъ не зная: *что будто Богъ запретилъ вамъ псть отъ всякаго древа райскаго?* Нѣтъ, отвѣчали ему, *не отъ всякаго, а только отъ одного, отъ котораго, если вкусимъ, смертію умремъ.*—О, отъ этого дерева не умрете, клеветалъ искушитель; а Богъ вѣдалъ, что если отъ него вкусите, будете сами какъ Боги, по этому, разумѣется, и запретилъ, какъ бы изъ зависти...—Клевета подѣйствовала, Богъ забыть, а клеветнику—все довѣріе. *И видѣ жена, говоритъ бытописаніе, яко добро дерево въ саду, и яко угодно очима видѣти и красно есть, еже разумѣти. И вземши отъ плода его, яде; и даде мужу своему съ собою, и ядоста...* (Быт. 2, 17. 3, 16); и паденіе совершилось, взысканные Богомъ первые грѣшники не сознались, а оправдывались или извинялись, ссылаясь мужъ на жену, а жена на змія, и стала вражда стѣною между человѣкомъ и Богомъ, и судъ Божій не замедлилъ порази́ть нераскаянныхъ преступниковъ.

Видите, братіе, съ чего паденіе Адамово началось, какъ развилось и чѣмъ довершилось; началось съ забвенія Бога и довѣрія къ искушителю, развилось развитіемъ тройственной похоти, похоти плоти—*яко добро дерево въ саду, похоти очесъ,—яко угодно очима видѣти,* и похоти гордости—*и красно есть еже разумѣти;* довершилось несознаніемъ грѣха и враждою съ Богомъ. Такимъ образомъ путь паденія пролегалъ чрезъ забвеніе Бога, чрезъ довѣріе къ диаволу, чрезъ красоты міра и тройственную похоть, чрезъ несознаніе грѣховъ и вражду съ Богомъ.

Не такъ же ли падаетъ и каждый изъ насъ? По крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ: *кійжедо искушается, какъ говоритъ Апостоль, отъ своей похоти влекомъ къ чему ни-*

будь и чѣмъ нибудь прельщаемъ, также похоть зачехли рождаеть грѣхъ, грѣхъ же содѣланъ рождаеть смерть (Іак. 14, —15). Возвратный путь покаянія, какъ противоположенный путь паденія, поведеть насъ къ спасенію чрезъ примиреніе съ Богомъ, чрезъ сознаніе и исповѣданіе грѣховъ, чрезъ обузданіе похотей, чрезъ презрѣніе міра, чрезъ брань съ діаволомъ, и чрезъ всегдашнее памятованіе Бога.—

Паденіе праотцевъ кончилось враждою съ Богомъ, начнемъ же все покаяніе примиреніемъ съ Богомъ.— Но какъ намъ мириться съ Богомъ, Котораго мы простыми глазами не видимъ и простыми ушами не слышимъ, ни осязать, ни найти нигдѣ при себѣ не можемъ? Примиримся съ Нимъ чрезъ примиреніе съ нашими ближними, ибо самъ Онъ въ нынѣшнемъ Евангеліи предлагаетъ намъ такое удобство или средство къ примиренію съ Нимъ. *Аще отпущаете челоукомъ согрѣшенія ихъ*, говоритъ Онъ, *отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный*. Итакъ примиримся съ ближними для примиренія съ Богомъ; если мы своимъ ближнимъ простимъ все ихъ противъ насъ вины, которыя сѣютъ вражду между нами, то Богъ проститъ намъ все наши грѣхи, которые разлучаютъ насъ съ Богомъ; но примиримся искренно и отъ всей души, а не наружно только и по одному обычаю, или лицемѣрною, потому что и Богъ примирится съ нами также, какъ мы съ ближними, — если мы искренно, то и Онъ совершенно — елики мы только лицемѣрно (что за миръ? это одинъ обманъ); то и Богъ съ нами не примирится, ибо уже говоритъ: *аще ли не отпущаете челоукомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мат. 6, 14—15.), и не только не примирится, но и сугубо оскорбится и прогнѣвается какъ за то, что не уважимъ такого Его намъ предложенія о мирѣ съ Нимъ, такъ и за то, что прикроемся лицемѣріемъ. И такъ одно изъ двухъ—или мириться съ ближними искренно, чтобы примириться и съ нашимъ

Богомъ, и такимъ образомъ положить доброе начало своему покаянію, или во все не мириться съ ближними, отвергнуть миръ и съ Богомъ, и въ самомъ началѣ испортить свое покаяніе. Чтожъ тогда и приступить къ покаянію?

Разрывъ съ Богомъ послѣдовалъ у Праотцевъ за неосознаніемъ грѣха и самоизвиненіемъ ихъ предъ Богомъ. — Ахъ, братіе, и у насъ вся бѣда уже не въ грѣхѣ, котораго мы какъ бы уже избѣгнуть не можемъ, а въ нераскаяніи, въ неосознаніи грѣховъ, въ самоизвиненіи. *Аще речемъ, яко грѣха не имамы, говоритъ Апостоль, себе прельщаемъ: аще исповѣдаемъ грѣхи наша, Іисусъ Христосъ въренъ есть и праведенъ, чтобы оставить намъ грѣхи наша* (1. Іоан. 1, 8—9). И такъ все дѣло въ раскаяніи. И можно ли грѣшникамъ оправдываться предъ Богомъ, не сознавать или извинять грѣхи свои? Испытаемъ же самихъ себя, какъ строгіе изслѣдователи, обличимъ всѣ свои грѣхи прежде предъ самими собою, нежели понесемъ ихъ къ духовнику, или въ его лицѣ къ самому Богу, положимъ на одной сторонѣ законъ Божій—евангельскій и церковный, а на другой всю свою жизнь и совѣсть, и снесемъ ихъ между собою, чтобы лучше усмотрѣть какую заповѣдь мы исполнили и какою не исполнили или преступили дѣломъ, словомъ, пожеланіемъ или мыслию, при какихъ обстоятельствахъ, по какимъ побужденіямъ, какъ зачинщики или соучастники, или какъ подражатели и послѣдователи, а если какую исполнили, то для Бога ли или для себя, т. е. потому ли, что Богъ того хочетъ, или что мы видѣли въ томъ мірскія свои выгоды, изъ надежды или страха, изъ внутренняго расположенія къ закону, или только наружно, и слѣд. лицемѣрно, изъ славы людской, что еще хуже, чѣмъ не исполнили, ибо Господь ненавидящій всякое беззаконіе, особенно ненавидитъ лицемѣріе, и потому всегда повторялъ лицемѣрамъ одно: горе вамъ, горе вамъ, лицемѣры; сознавши какъ свои грѣхи, наконецъ, осудимъ сами себя,

также какъ осудилъ бы насъ или нѣкогда будетъ судить Самъ Богъ, т. е. безъ всякаго лицепріятія и безъ всякаго извиненія. Только при такомъ самоосужденіи покаяніе наше будетъ истинно, а не лицемѣрно.

Но каяться должно не только за прежніе грѣхи, но и за будущіе, т. е. чтобы впередъ остерегаться отъ грѣховъ. Иначе что за покаяніе? *Аще отбѣшишь скверны мѣра, пишетъ Апостолъ, сими же паки сплетшеся побѣждаеми бываютъ, быша имъ послѣдняя юрша первыя: лучше бо бѣ имъ не познати пути правды, нежели познавшимъ возвратитися вспять; случися бо имъ истинная притча: пещь возвращающа на свою блевотину, и свинія омывши въ калѣ тинный* (2 Петр. 2, 20—22). Такъ; лучше ужъ не каяться, нежели каяться не для того, чтобы впередъ уже отстать отъ грѣховъ, или по крайней мѣрѣ не повторять грѣховъ прежнихъ. Но для сего необходимо вникнуть въ глубину сердца своего до самыхъ корней, отъ которыхъ рождаются всѣ грѣхи т. е. до похотей.—Грѣхъ можно убить не прежде и не иначе, какъ сперва убивши похоть. У каждаго есть своя одна или двѣ господствующія похоти, отъ которыхъ всѣ его грѣхи, у иного—похоть плоти, это у всѣхъ, кои любятъ утопать въ плотскихъ удовольствіяхъ, каковы бы они ни были, грубыя или утонченныя, и служатъ чреву своему какъ Богу (Фил. 3, 19); у иного похоть очесъ—это у всѣхъ скупыхъ и корыстолюбцевъ, которыя обожаютъ золото и серебро, какъ своего идола (Кол. 3, 5); у иного похоть гордости, которая заставляетъ каждаго считать себя подобнымъ Вышнему и равнять себя съ Богомъ (Ис. 14, 14), и всѣхъ и все презирать и унижать, а у иного въ совокупности двѣ, похоть гордости съ похотію очесъ, или съ похотію плоти. Но какая бы у кого господствующая похоть ни была, въ каждомъ похоть, сочетавши сердце съ обольщающимъ предметомъ, зачинаетъ и раждаетъ грѣхъ. *О, да не царствуетъ грѣхъ, въ видѣ той или другой похо-*

ти, *въ мертвеннѣмъ нашемъ тѣлѣ* (Рим. 6, 17). Во всякое время, а особенно во дни покаянія должно всякую похоть убивать; похоть плоти—воздержаніемъ и постомъ, похоть—очесъ нестяженіемъ или щедротами къ бѣднымъ, похоть гордости—смирненіемъ и кротостію.—

Но какъ убивать похоть, не отнявъ у ней пищи? А пищу всякой похоти даютъ блага сего міра, какъ и у прародителей пищу похотямъ дало древо райское. И такъ *не любите міра, иже въ мірѣ: яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская и похоть очесъ и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 15—16). Въ мірѣ есть и что добро въ снѣдъ, но это все только въ мѣру для тѣлесныхъ нашихъ потребностей, а не для пресыщенія безъ всякой мѣры, посему Апостоль и заповѣдуетъ не простирать попеченій о плоти или о тѣлѣ до похотей: *и плоти угодія не творите въ похоти* (Рим. 13, 14); есть и что угодно очима видѣти—много золота и сребра и другихъ драгоценностей, но все это для временныхъ только нашихъ нуждъ: все лишнее—доля нищихъ нашихъ братій, но отнюдь не цѣна роскоши, не пища сребролюбія, не кладъ нашихъ сокровищъ; есть и что красиво еже разумѣти—почести, отличія, преимущества, но и это все не для того, чтобы насыщать и вздуть нашу гордость, тщеславіе, властолюбіе, а чтобы быть знаменіемъ или указаніемъ, куда и къ кому обращаться намъ съ житейскими нашими нуждами: *должны есмы мы сильные, отличенные въ мірѣ властію, честію, знатностію, немощи немощныхъ носить, и не себѣ угождать, ибо и Христосъ не Себѣ угоди, но меньшей нашей братіи* (Рим. 15, 1,—3); словомъ въ мірѣ очень много для насъ привлекательнаго, но все это не для страстей и грѣховъ, а вообще да тихое и безмолвное житіе поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ. Будемъ же, особенно во дни покаянія, особенно внимательны къ міру, чтобы не употреблять во зло Божіихъ созданій и даровъ, которые сами въ себѣ очень хороши, но чрезъ наше

злоупотребленіе дѣлаются весьма худы, обращаясь въ пищу нашихъ похотей. Этотъ *міръ*, котораго Спаситель иначе не называлъ, какъ *прелюбодѣйнымъ, грѣшнымъ, весь во злѣ лежащимъ*, тѣмъ еще для насъ опаснѣе, что въ немъ и чрезъ него воюетъ на насъ *князь власти воздушныя* (Еф. 2, 2), врагъ сколько скрытный и лукавый, преобразующійся иногда и въ Ангела свѣтла, чтобы лучше обольстить самыхъ избранныхъ, столько же злобный и непріязненный. Отъ него-то предостерегаетъ Апостоль, когда убѣждаетъ; *трезвитесь и бодрствуйте: зане суностатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ искій кого поглотити, ему же противитесь тверди върою* (1 Петр. 5, 8—9). Это не человекъ, а духъ, и его нельзя видѣть простыми глазами, чтобы отъ него предостеречься или защититься, какъ отъ дикаго звѣря, но можно усматривать и угадывать его по черному его слѣду, или тлетворному дыханію. Самъ иногда не знаешь, какъ тебѣ въ душу зачала порочная мысль или грѣховное вождѣніе: это онъ вложилъ въ твою душу, какъ нѣкогда онъ вложилъ Іудѣ мысль и рѣшимость предать Господа и Учителя своего. Надобно тотчасъ вырывать изъ себя такія мысли, какъ первый приступъ заразы, надобно тотчасъ гасить въ себѣ такія вождѣнія, какъ первыя искры огня разрушительнаго.—Если успѣешь вырвать и погасить, ты воинъ побѣдоносець Христовъ, а если не успѣешь, ты плѣнникъ и рабъ діавола. А особенно во дни покаянія нападенія его часты и злокозненны, и требуютъ всей нашей предосторожности и бдительности.

Наконецъ, вотъ и самое первое, съ чего началось паденіе Адамово, это—забвеніе Бога. Непостижимо, какъ человеку можно бы забывать Бога, Котораго прежде и паче всего должно ему помнить, и труднѣе всего, какъ кажется, забыть! Богъ всегда при насъ, окрестъ насъ и въ насъ; *въ Немъ мы, какъ въ воздухѣ, и живемъ и движемся и есмь*

мы, отъ Него мы не можемъ скрыться, или что укрыть, ни въ какомъ тайномъ или скрытномъ мѣстѣ, Онъ все видитъ, все знаетъ, все читаетъ въ самой глубинѣ нашего сердца, въ самой упорной и ожесточенной совѣсти. Какъ же можно забыть Бога, Его волю, Его законъ! Какъ рѣшиться подъ такимъ Его вездѣприсутствіемъ и всевѣдніемъ, на какойнибудь грѣхъ? Какъ, согрѣшивши, не раскаяться предъ Нимъ, и раскаяніемъ не предупредить Праведный Его судъ? Онъ Самъ говоритъ у Пророка: *ты же помани, и да судимся, глаголю ты беззаконія твои прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26). Столько Онъ къ намъ благъ и многомилостивъ, такъ насъ любитъ, что Самъ преслѣдуетъ насъ съ Своимъ прощеніемъ. О! *Часъ уже намъ отъ сна востати*, чтобы повернуться въ лоно Его милосердія, ожидающаго насъ въ таинствѣ покаянія. —

Имѣйте, братіе мои, и во всякое время, а особенно въ наступающіе дни покаянія, имѣйте Бога непрестанно предъ очами своими, трезвитесь, бодрствуйте и противитесь діаволу, не любите міра и не соблазуйтесь вѣку сему; умертвите всякую похоть злую, хотя бы и самую льстивую; соберите и исповѣдуйте всѣ свои грѣхи, не извиняя ихъ ни чѣмъ и ни кѣмъ, а прежде всего поспѣшите помириться съ Богомъ чрезъ примиреніе съ ближними, и покаяніе ваше, теперь предназначаемое, будетъ истинно, оправдательно, спасительно, чего вамъ отъ всей души моей желаю. Аминь

С Л О В О

въ недѣлю сыропустную.

И изна его, перваго человека, Господь Богъ изъ рая сладости. (Быт. 3, 23).

Нынѣшній день, братіе, св. церковь опредѣлила на то, чтобы оплакать общее несчастье рода человѣческаго: это — паденіе праотца нашего Адама, и изгнаніе его изъ рая. Общее говорю, несчастье; ибо въ Адамѣ всѣ мы согрѣшили; безъ того мы неподверглись бы такому несчастію, которое доселѣ тяготѣетъ надъ всѣми нами; а наслаждались бы тѣмъ же блаженствомъ, въ какое первоначально поставленъ былъ нашъ праотецъ. О! какъ блаженно было то первое состояніе! Въ человѣкѣ тогда, какъ въ чистомъ зеркалѣ, свѣтилъ образъ Божій; умъ его такъ былъ проникателенъ, что прозрѣвалъ въ самыя сущности вещей; воля его такъ была свята, что проникалась святостію самаго Бога, ибо жила Его волею; сердце его такъ было блаженно, что не знало другихъ ощущеній, кромѣ самыхъ пріятныхъ, самыхъ отрадныхъ, ибо къ счастію его ничего не доставало; тѣло его цвѣло здоровьемъ, крѣпостію, красотою и безсмертіемъ; страсти управлялись умомъ; всѣ твари повиновались ему, и природа разсыпала всѣ блага и сокровища свои у ногъ его, какъ законнаго своего владетелина; а что было вѣнцемъ всего, это присутствіе и общеніе съ человѣкомъ самаго Бога, который обращался съ нимъ, какъ вѣжнѣйшій отецъ съ любимѣйшимъ сыномъ. Но грѣхъ все превратилъ; образъ Божій затмился въ человѣкѣ; умъ его покрылся слѣпотою; воля развратилась грѣхомъ; сердце закипѣло всѣми бурными и горестными чувствами; страсти возмутились и возстали противъ ума; тѣло подверглось изнурительнымъ трудамъ, болѣзнямъ, и

тлѣнію; вся природа стала враждовать противъ своего властелина, какъ бы представшаго предъ нею въ чужомъ и странномъ для ней видѣ, и предъ совѣстію человѣка стоялъ какъ бы ужасающимъ привидѣніемъ, одинъ гнѣвъ Божій, свой стыдъ и страхъ смерти. Однимъ словомъ человѣкъ послѣ грѣха сталъ столько же несчастенъ, сколько до грѣха былъ блаженъ. Но къ усугубленію несчастія праотець нашъ увлекъ въ свою вину и въ горестную судьбу все свое потомство, которое, какъ родоначальникъ, носилъ въ себѣ; ибо самъ падшій и грѣхомъ растлѣнный не могъ родить дѣтей не подобныхъ себѣ; рожденное отъ плоти плоть есть; грѣшникъ и смертный родилъ грѣшниковъ, и повинныхъ смерти; печальнымъ доказательствомъ столь горестнаго переворота служить смерть, которой всѣ мы неизбежно подвержены. Гдѣ найти столько слезъ, чтобы оплакать такое общее несчастіе?

Но церковь положила намъ оплакивать сіе несчастіе съ тою цѣлію, чтобы намъ изъ печальнаго примѣра праотца извлечь для себя спасительный урокъ, научиться не оскорблять Бога, подобно праотцу, собственными грѣхами, и тѣмъ не приложить новой тяжести къ горькой участи, отъ него уже наслѣдованной. А для сего весьма поучительно знать, за что такъ прогнѣвался Богъ на перваго человѣка.

Если смотрѣть на дѣло простыми глазами, то покажется, что Богъ прогнѣвался на Адама за одно вкушеніе запрещеннаго плода. Ибо Адаму, по видимому, одна была заповѣдь, и та вся состояла въ томъ, чтобы не вкушать плодовъ съ одного дерева райскаго. Книга бытія повѣствуетъ: *и заповѣда Господь Богъ Адаму, глаголя: отъ всякаго древа, еже въ раи, съядію съиси; отъ древа же еже разумѣти доброе и лукавое, не съесте отъ него: а въ онъже аще день съесте отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 16. 17). Адамъ преступилъ сію заповѣдь и смертію умеръ—умеръ

не только по тѣлу, но и по душѣ, умеръ не только временною, но вѣчною смертію; умеръ не только самъ въ себя, но и въ своемъ потомствѣ, и на вѣки погибъ бы весь родъ человѣческій, еслибы Богъ не даровалъ ему Спасителя въ лицѣ І. Христа. Смотри такъ на дѣло, иной вольнодумецъ помыслить, что Богъ въ семъ случаѣ показалъ себя и немилосердымъ, и не правосуднымъ; немилосердымъ — что не простилъ самой любимой твари своей, человѣку, столь маловажной вины, каково вкушеніе запрещеннаго плода, не правосуднымъ — что за столь малую вину осудилъ на вѣчную погибель не только самаго праотца, но и все его потомство. Нѣтъ, братіе; да бѣжить отъ насъ всякая подобная мысль; въ наказаніи Адама Богъ явилъ себя и правосуднымъ, ибо наказывалъ грѣхъ, несравненно болѣе важный, чѣмъ съ перваго взгляда представляется, и милосердымъ, ибо самое наказаніе съ самаго начала растворило величайшею милостію; стоитъ только вникнуть въ обстоятельства грѣха и наказанія.

Какъ произошелъ грѣхъ?— Адамъ и Ева были въ раю. Къ нимъ подходитъ искушитель въ видѣ мудрѣйшаго изъ всѣхъ звѣрей земныхъ змій, и льстиво спрашиваетъ: правдали, будто Богъ сказалъ вамъ: не ѣшьте плодовъ ни съ какаго дерева въ раю? Жена, поторопившись, отвѣчала: мы ѣдимъ плоды со всѣхъ деревьевъ; только отъ плодовъ дерева, что посреди рая, Богъ точно не велѣлъ намъ вкушать, даже прикасаться къ нему, дабы не умереть. Нѣтъ, возразилъ оболъститель, не умрете; Богъ зналъ, что какъ скоро вы вкусите отъ плодовъ сего дерева; у васъ откроются глаза, вы будете какъ боги, зная доброе и злое, потому и запретилъ. Жена, видя что дерево и для вкуса хорошо и для глазъ красиво, и для знанія пріятно, взяла плодъ и вкусила; потомъ подала мужу, и тотъ также ѣлъ. Правда, у нихъ открылись глаза; но они увидѣли себя не богами, а преступниками предъ Богомъ. Пересмотримъ же сіи об-

стоятельства. — Кому жена больше повѣрила Богу или обольстителю? Обольстителю, признавъ конечно Бога какъ бы за обманщика. Почему она повѣрила больше обольстителю, нежели Богу? Потому, что тотъ обѣщаль имъ самимъ сдѣлаться богами, чего Богъ какъ бы не хотѣлъ по зависти. За чѣмъ она простерла руку свою къ плоду запрещенному, сорвала его и ѣла? За тѣмъ, что плодъ показался хорошимъ для вкуса—вотъ похоть сластолюбія, красивымъ для глазъ—вотъ похоть любостыжанія, и пріятнымъ для познанія—вотъ похоть гордости; въ сердцѣ жены какъ бы отзывалось: будемъ какъ боги. Почему и мужъ рѣшился на тоже? Потому что предъ глазами его стояла жена, а Богъ былъ забытъ, со всѣмъ Его величіемъ, правдою и любовію,—жена предпочтена Богу—какое Богу оскорбленіе! Ко всему этому присоединилось еще несознаніе, привлекавшее самаго Бога въ нѣкоторое участіе въ грѣхъ. Уже виновные бѣжали и скрывались отъ лица Божія; но Богъ искалъ ихъ и спрашивалъ: Адамъ, гдѣ ты? кто сказалъ тебѣ, что ты нагъ? не вкусилъ ли ты отъ плода, мною тебѣ запрещеннаго? Да, отвѣчалъ мужъ; но не самъ, а жена подала мнѣ плодъ, и я ѣлъ. Стало быть, и Богъ не правъ, давши Адаму такую жену; когдабъ не жена;—мужъ бы не согрѣшилъ. Богъ обратился къ женѣ: что ты это сдѣлала? да, отвѣчала и жена; но не сама я, а змій обольстилъ меня, и я ѣла. Опять Богъ же неправъ, создавши змія; не будь змія, не пала бы жена (Быт, 3, 9—13). Но несчастная жена! Кто тебѣ велѣлъ больше вѣрить змію, нежели Богу! Мужъ несчастный! За чѣмъ ты предпочелъ обольщеніе заповѣди? Для того ли Богъ сотворилъ змія, чтобы обмануть жену? Для того ли создалъ жену, чтобы обольстить мужа? Для того ли насадилъ дерево въ раю, чтобы возбудить въ тебѣ всякую грѣховную похоть, и особенно похоть—сдѣлаться Богомъ? Для того ли далъ тебѣ заповѣдь, чтобы подать въ ней тебѣ поводъ

и случай оказать Богу все противленіе и предпочестъ Ему себя, жену, искусителя, даже плодъ дерева. Для того ли, о человѣкъ! Богъ вызвалъ тебя изъ ничтожества; одарилъ тебя прекрасными качествами души и тѣла; насадилъ особенный для тебя рай; подчинилъ тебѣ всю природу со всѣми съ тварями, благами и сокровищами; далъ тебѣ право и способность на всякое счастье, удовольствіе и радость; оградилъ и жизнь твою и твое блаженство безсмертіемъ; украсилъ дни твои собственнымъ общеніемъ съ тобою, милостивымъ и благостнымъ, чтобы за все это ты заплатилъ одною не благодарностію?—Неблагодарность твоя есть необъятный грѣхъ твой противъ Бога, отъ коего ты все получилъ. Судите жъ сами, братіе, не справедливъ ли былъ Богъ, наказавъ такого грѣшника?—Ибо какаго нѣтъ грѣха въ одномъ его грѣхѣ?—Тутъ всѣ возможные, и всѣ важнѣйшіе грѣхи,—въ отношеніи къ Богу вѣроломство, въ отношеніи къ себѣ—погубленіе себя, въ отношеніи къ потомству—погубленіе его вмѣстѣ съ собою, въ отношеніи ко всей твари—подчиненіе ея суетѣ и проклятію.—И не предостерегаль ли его Богъ страшною угрозою? Но и угроза не остановила, а еще, бывъ превратно изъяснена и понята, поощрила. Какъ же было не пасть гнѣву Божию всею тяжестію своею на главу первыхъ грѣшниковъ?

Но Богъ въ самомъ наказаніи ихъ явилъ все свое къ нимъ милосердіе. Съ самой минуты паденія Богъ не отвергъ, не оставилъ, не забылъ ихъ, но тогда же по единой благой волѣ своей взыскалъ: Адамъ, гдѣ ты? Кто сказалъ тебѣ, что ты нагъ? Не вкусилъ ли ты отъ плода, мною запрещеннаго?—Что это, какъ не слова самаго сострадательнаго участія въ судьбѣ человѣка? Потомъ, когда несчастный и винулся и оправдывался, Богъ, принимая повинную, и не останавливаясь на его самооправданіи, сказалъ женѣ: что ты это сдѣлала?—это голосъ обличенія, но вмѣстѣ и сожалѣнія. Далѣе, когда жена слагала часть вины на змія, Богъ и

здѣсь оставилъ безъ вниманія самоизвиненіе, но тотчасъ изрекъ змію наказаніе; проклять ты; это видимое отмщеніе, а отмщаютъ за тѣхъ, кого еще любятъ. Но мало того, что змій проклять; наказаніе его простерлось далѣе. Прежде змій легко превозмогъ жену, теперь говоритъ Богъ змію: *И вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ ея*, — значитъ слабая жена можетъ уже бороться со зміемъ, чего не могла, когда была гораздо крѣпче, и еще больше: *сѣмя жены, продолжалъ Богъ, сотретъ тебѣ т. е. змію главу, а ты будешь уязвлять его въ пяту* — это уже весьма важное и даже отрадное преимущество: ибо несравненно опаснѣе быть поражаемымъ въ голову, потому что за тѣмъ должна слѣдовать смерть, нежели въ пяту, потому что это пораженіе не угрожаетъ еще смертію, и можетъ быть уврачено, хотя и съ отнятіемъ ноги, но съ сохраненіемъ жизни. Если при семъ вспомнимъ, что подъ сѣменемъ жены здѣсь разумѣлся І. Христось, родившійся отъ жены безъ мужа, какъ сѣмя одной жены, и поразившій сѣмя змія, т. е. всю область діавола, прямо въ голову, сокрушеніемъ всей власти его надъ родомъ человѣческимъ, и если вообразимъ, что наши праотцы не могли не разумѣть таинственнаго значенія сего обѣтованія, иначе для чего бы давать имъ оное, если бѣ они не разумѣли? — а слѣд. и не могли не видѣть всей благотворности его, какъ для себя самихъ, такъ и для своихъ потомковъ, — чрезъ весь рядъ временъ: то, можно представить, какъ утѣшительно было для нихъ такое обѣтованіе. Но не было ли особенною милостію для виновныхъ уже то самое, что Богъ не поразилъ ихъ тотчасъ же смертію, которою угрожалъ? Ибо хотя изгналъ ихъ изъ рая, однакожь оставилъ имъ жизнь, чтобъ имѣть имъ время для покаянія. — О! то великая милость для грѣшниковъ, когда Богъ долготерпитъ имъ, не хотя, да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе прійдутъ! Если жь осталая жизнь праотцевъ

была исполнена болѣзней и печалей, лишеній и трудовъ; ибо сказано женѣ: *умножая умножу печали твоя, и въздыханія твоя: въ болѣзньхъ родиши чада твоя и мужъ тобою обладати будетъ; и мужу: проклята земля въ дѣльхъ твоихъ; въ печали съищи тую вся дни живота твоего: тернія и волци възрастятъ тебѣ: въ потль лица твоего съищи хлѣбъ твой, доиде же возвратиши въ землю, отъ нея же взять еси* (Быт. 3, 16—19): то здѣсь больше добра, нежели—зла, именно скорбь для плоти, но для духа спасительное врачевство. Въ новой жизни человѣку труднѣе всего было управляться съ самимъ собою: страсти разсвирѣѣли, какъ воды моря подъ бурей, умъ ослѣпъ, какъ слѣпнетъ глазъ безъ солнца, воля развратилась наклонностію къ грѣху; но чтобы вовее не погибнуть, человѣку надлежало возвратится на цуть правды, и преодолѣвать грѣхъ: гдѣ жъ несчастному пособіе? въ самыхъ скорбяхъ жизни. Проклятіе земли, не давая плодовъ, не давало пищи сластолюбію; бѣдность страны убивала всякое любостыжаніе; уничиженное состояніе подавляло всякую гордую мысль о себѣ; болѣзни тѣла, разстроивая и ослабляя его, дѣлали его негоднымъ орудіемъ для грѣха; скорби сердца убивали самое тѣло; угрызенія совѣсти внушали страхъ къ грѣху, какъ къ змію, и дѣлали волю робкою на зло, самый страхъ неизбѣжной смерти заставлялъ дорожить жизнию и средствами къ ея сохраненію, а это были и есть удаленіе отъ грѣховъ и упражненіе въ добродѣтели. Не явно ли, что наказаніе праотцевъ во всѣхъ частяхъ своихъ глубоко было проникнуто благостію Божіею, хотя скорбною для плоти, но животворною для души, какъ горькое, но спасительное лекарство? Не уничтожилъ ихъ Богъ, какъ Судія, но наказалъ, какъ Отецъ своихъ чадъ, коихъ еще любитъ, какъ сказано: *его же любитъ Господь, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ* (Евр. 12, 6). Но время намъ, братіе, обратиться къ самимъ себѣ. Бесплодно, и даже излишне было бы сѣтовать о паденіи

нашихъ праотцевъ и о плачевной общей участи, если не научить изъ печальнаго примѣра ихъ не оскорблять Бога подобными же паденіями. Увы! потомки падшаго праотца не удержались, чтобы не повторить печальнаго его примѣра: начинаютъ тѣмъ же, чѣмъ онъ началъ—грѣхами, повидимому, маловажными, и не вразумляются гибельными послѣдствіями маловажнаго, какъ думаютъ, грѣха Адамова. Ужели мы можемъ думать, что нашъ какой нибудь маловажный грѣхъ не будетъ столько же преступень, и не повлечетъ за собою столь же плачевныхъ послѣдствій, какъ грѣхъ праотцевъ?—О братіе мои! всякой, даже маловажный по нашему мнѣнію грѣхъ, безконечно важенъ; ибо всякимъ даже маловажнымъ грѣхомъ и нарушается весь законъ, по единству духа закона, и оскорбляется Богъ неблагодарностію, которою отражается всякій нашъ грѣхъ, а слѣд. и маловажный.

Законъ Божій самъ въ себѣ единиченъ, хотя раздробляется на многія заповѣди, потому что выражаетъ во всѣхъ своихъ частныхъ требованіяхъ и запрещеніяхъ одну волю единого Бога, раздробляющуюся только по разнымъ нашимъ отношеніямъ, но въ самой себѣ всегда и во всемъ одинаковую. Отъ сего-то происходитъ, что нельзя нарушить ни одной, хотя бы по нашему мнѣнію маловажной заповѣди, безъ того, чтобы вмѣстѣ и въ то же время не нарушился весь законъ, не попрадась вся воля Божія, не оскорбился весь Богъ. *Иже весь законъ соблюдетъ, пишетъ А. Іаковъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всмъ повиненъ.* Почему же это? потому что, продолжаетъ Апостоль, *тотъ, кто сказалъ: не прелюбы сотвориши, сказалъ, и не убіеши; аще же не прелюбы сотвориши, но убіеши; — былъ еси преступникъ закона* (Іак. 2, 10. 11); — очевидно — поединству лица Законодателя, Его воли, и духа закона. Не важенъ ли и не страшень ли послѣ сего даже маловажный грѣхъ, когда дозволивши его себѣ мы дѣлаемся преступниками всего закона?

Не говорю уже, что ни одинъ грѣхъ «непоявляется» въ насъ одинокимъ, но всегда и предшествуется, и сопутствуется, и послѣдуется многими другими, и малые грѣхи часто ведутъ къ большимъ. И Адамовъ грѣхъ не тогда только совершился, когда плодъ вкушенъ; но ему предшествовала невнимательность къ себѣ, «непамятованіе заповѣди, неуваженіе угрозы, недовѣріе Богу, и пр.; равно сопровождали его вѣра къ искустителю, похоти сластолюбія, любостыжанія, гордости, и послѣдствовали послѣдующіе грѣхи; отъ которыхъ падшій человѣкъ конечно немогъ уже остережся, когда еще цѣлый неостерегся. Недолжноли же намъ быть весьма къ себѣ внимательными въ случаѣ влеченія даже къ маловажному грѣху: не подготовленъ ли онъ въ насъ прежними грѣхами, не сопутствуется ли онъ другими отъ вниманія нашего ускользающими, и непородитъ ли бездну новыхъ послѣдующихъ грѣховъ, или не будетъ ли шагомъ къ грѣху важному? Такія обстоятельства могутъ сдѣлать ужаснымъ грѣхъ, даже самый, на первый взглядъ, маловажный. Словомъ ни одного грѣха нѣтъ маловажнаго предъ Богомъ, даже потому, что всякій грѣхъ нашъ отражаетъ неблагодарность нашу предъ Богомъ.

Что у тебя есть, о человѣкъ, что бы ты получила не отъ Бога? Еслижъ ты все получила отъ Бога, то всегда и за все ты обязанъ Богу живѣйшею признательностію и благодарностію; благодарность должна быть главнымъ твоимъ чувствомъ и главною твоею обязанностію. Но если ты не благодаренъ: пойми всю важность твоей вины: ты увидишь противъ Бога. Вотъ почему Богъ преимущественно оскорбляется нашею неблагодарностію. Народъ Израильскій позволялъ себѣ безчисленныя и величайшія преступленія, но Богъ особенно и съ особенною выразительностію жаловался собственно на его непризнательность и неблагодарность. *Слыши небо и внуши земле*, говоритъ онъ у Пророка; *силы родихъ и воз-*

высихъ: тѣмъ же отвергнущая мене. Позна волъ стяжавшаю и, и оселъ ясли господина своего; Израиль же мене непозна, и люди мои не разумѣша, (неоказались признательными). Увы! языкъ грѣшный... оставите Господа (Ис. 1, 2—4)! И въ другомъ мѣстѣ: виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣсть тучны, и огражденіемъ оградихъ, и окопахъ, и насадихъ лозу избранны, и создахъ столпъ посредь его, и предпочиліе ископахъ въ немъ, и ждахъ, да сотворитъ проздіе и сотвори терніе (опять непризнательность). И нынѣ судите всѣ народы между мною и виноградомъ моимъ, Израилемъ. Что сотворю еще винограду, и не сотворихъ ему (5, 1—4)? По какомужъ исключительному уваженію Богъ не будетъ оскорбляться нашей неблагодарностію, отражающеюся вовсякихъ даже маловажныхъ нашихъ грѣхахъ?—и въ маловажныхъ тѣмъ болѣе, чѣмъ съ меньшимъ опасеніемъ мы до воляемъ ихъ себѣ? О! намъ предлежитъ тѣмъ большее осужденіе; чѣмъ больше мы облагодѣтельствованы Богомъ; мы получили то, чего больше, кажется, и самъ Богъ не можетъ для насъ сдѣлать; я разумѣю искупленіе наше отъ грѣховъ чрезъ І. Христа. И Адаму и народу Израильскому былъ обѣщанъ и вѣдомъ Іисусъ Христосъ и составлялъ для нихъ все утѣшеніе и всю надежду, но они недостойны видѣть пришествіе Его во плоти, *Богу лучше что о насъ предзрѣвшу*, какъ замѣчаетъ Апостоль (Евр. 11, 40). Они вѣровали въ грядущаго, мы вѣруемъ въ пришедшаго; они жали въ тѣни или въ ночи предъ зарею, мы въ полуденномъ свѣтѣ солнца, они ожидали, мы все получили. Кто скажетъ, что чѣмъ болѣе намъ дано, тѣмъ менѣе съ насъ взыщется, и чѣмъ благодѣянія намъ больше, тѣмъ неблагодарность наша менѣе достойна праведнаго возмездія? Мы теперь подъ благодатию; но сіе то и послужитъ къ большому нашему осужденію, если благодатию не воспользуемся, но окажемся непризнательными. Ибо не съ большею ли послѣ сего справедливостію, Богъ можетъ упрекать насъ: *что еще мнѣ сдѣлать*

латъ для васъ, чего бы я уже не сдѣлалъ? и жаловаться на насъ предъ небомъ и землею: слыши небо и внуши земле: сыны родихъ и возвысихъ, тѣи же отвергаеши мене. Увы! языкъ грѣшный, христiane! остависте Господа, тогда какъ воля и осель признательны къ своему господину? Присемъ сама собою приходитъ на мысль страшная угроза Апостольская: *Если Ангелами возвѣщенное слово*, говоритъ Апостоль, разумѣя Моисеевъ законъ, было твердо, и всякое преступленіе и непослушаніе получило праведное возмездіе: то какъ мы, т. е. христiane, изблжсимъ гнѣва Божія, вознерадѣвъ о спасеніи, содѣланномъ и явленномъ намъ *І. Христомъ* (Евр. 2, 2. 3)? *Если мы получивъ въ І. Христвѣ познаніе истины, произвольно грѣшимъ; то уже, продолжаетъ Апостоль, намъ не остается жертвы за грѣхи, но предстоитъ страшное нѣкое ожиданіе суда, и яростный огонь, готовый пожрать противниковъ. Отвергавшійся закона Моисеева при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ безъ милосердія былъ наказываемъ смертію: какому жъ жесточайшему, думаете, мученію повиненъ будетъ тотъ, кто попираетъ сына Божія, не почитаетъ за святыню кровь завѣта, и руається надъ дугою благодати? Мнѣ отмщеніе, я воздамъ, глаголетъ Господь. Страшно впасть въ руки Бога живоу (10, 26—31).*

Памятуя столь грозное внушеніе Апостольское, убоимся, братіе, не только важныхъ грѣховъ, но и всякаго мало-важнаго, дабы чрезъ него не впасть и въ грѣхи важные, и не оскорбить Бога своею непризнательностію. Се нынѣ время благоприятно; се нынѣ день спасенія; св. постъ наступаетъ, двери Божія милосердія и нашего покаянія отверзаются; прилѣпимся всею вѣрою, любовію и надеждою къ *І. Христу*, единому нашему Спасителю; *совлечемся ветхаго* т. е. грѣховнаго челоука, и облечемся въ *новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ преподобіи истины*; положимъ съ сего же времени неизмѣннымъ для себя правиломъ со дня на день, съ часу на часъ дѣлаться болѣе и болѣе добродѣтельными, праведными, святыми, ибо мы къ тому и призваны, какъ учитъ Апостоль. *Но звавшему вы святому и сами святы во всемъ житіи будите (1. Петр. 1, 15. 16).* Аминь.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Поступила въ продажу новая книга: Руководство къ послѣдовательному чтенію учительныхъ книгъ Ветхаго Завета (Иова, Псалтири съ объясненіемъ всѣхъ неясныхъ ея мѣстъ и съ изображеніемъ тимпановъ, кимваловъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ, упоминаемыхъ въ Библии, Причтей, Екклесіаста, Пѣсни пѣсней, Премудрости Соломона, Исуса сына Сирахова, Третьей книги Ездры.) Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Требованія адресовать въ *Кіевъ*. Х. М. *Ордъ*. На Подоль, Спасская улица, домъ подь № 186. Выписывающіе не меньше 10 экземпляровъ пользуются уступкою 25%.

Тамъ же можно получать книги:

1) Руководство къ послѣдовательному чтенію *пророческихъ* книгъ Ветхаго Завета.

Второе дополнено изданіе. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

2) Земная жизнь Господа и Спасителя Нашего Исуса Христа. (Полное обстоятельное пособіе къ послѣдовательному, сравнительному и изяснительному чтенію четверо-евангелія). Изданіе третье. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

3) Бесѣды на книгу пр. Іоны. Цѣна 25 к. съ перес.

4) Пастырская жизнь по возрѣніямъ вселенской церкви. Выпускъ первый. Ц. 45 коп. съ пересылкою.

Редакторъ: Ректоръ семинаріи Протоіерей Михаилъ Зефировъ.

Съ дозволенія цензуры. 17 Августа 1870 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.